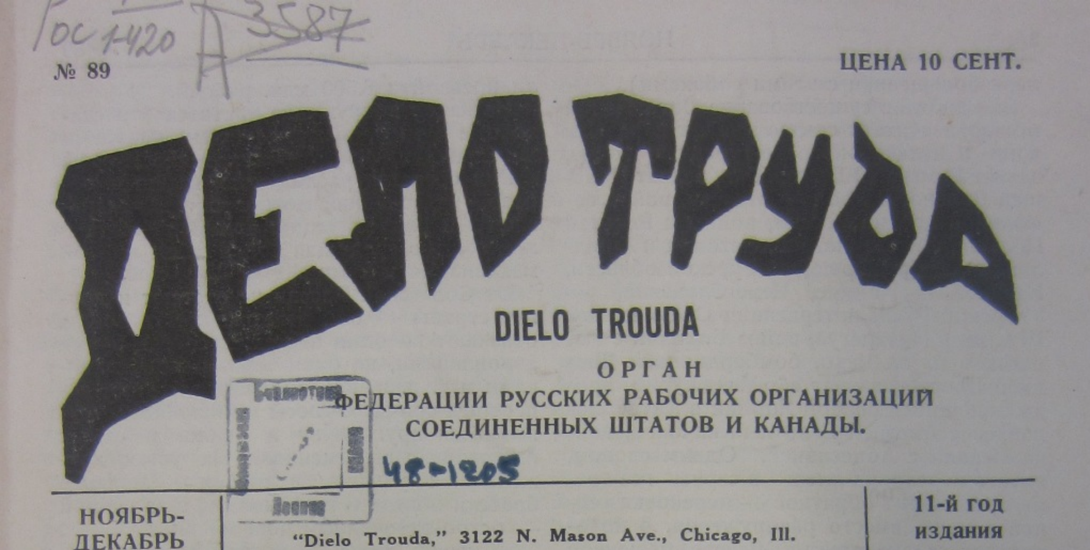

№ 89

ЦЕНА 10 СЕНТ.

ДЕЛО ТРУДА

DIELO TROUDA

ОРГАН
ФЕДЕРАЦИИ РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ.

НОЯБРЬ-ДЕКАБРЬ 1935 г.

"Dielo Trouda," 3122 N. Mason Ave., Chicago, Ill.

11-й год издания

ЗА НЕЗАВИСИМЫЕ САНКЦИИ РАБОЧЕГО КЛАССА!

Первая мировая империалистическая война во имя спасен. демократии,—в союзе с русским царем! — должна была быть, как внушали народным массам господствующие классы, последней войной на земном шаре, войной, уничтожающей войну, войной против милитаризма, войной во имя вселенского мира, во имя перековки „мечей в серпы". Эта война унесла 13.055-000 жизней, еще большее число искалечила, не говоря уже о разрушении материальных ценностей и огрубении народов. Война закончилась Версальским миром и сооружением ареопага вечного мира между народами земли — ЛИГИ НАЦИЙ.

Лига Наций, говорили трудящимся классам капиталисты и социалисты, не только символ мира всего мира, это подлинный парламент Европейских Штатов, больше, — парламент международной конфедерации народов.

Государственные социалисты приняли живейшее участие в строительстве этого храма мира и до сих пор международный социализм поддерживает это учреждение. Социалисты настолько „обминистрились", что тогда, как и теперь, не понимают и не хотят понять той простой истины, что, как говорил Бакунин, „Штаты Европы (Штаты мира — скажем мы) — никогда не будут в состоянии образоваться из государств в их нынешнем виде, по причине чудовищного неравенства между взаимоотношениями их сил" и что „ни одно централизованное, бюрократическое и, тем самым, военное государство, даже если бы оно называло себя республиканским (или социалистическим — прибавим мы), не сможет серьезным и искренним образом войти в международную конфедерацию. По своей конституции, которая всегда будет открытым или замаскированным отрицанием свободы внутри, оно необходимо будет постоянным вызовом к войне, постоянной угрозой существованию соседних стран. Основанное существенным образом на предшествующем акте насилия, завоевания или того, что называется в частной жизни воровством со взломом, — акте, благословенном церковью, какой бы то ни было религии, освященном временем и, в силу этого, обратившемся в историческое право, — и опираясь на это божеское освящение торжествующего насилия, как на исключительное и высшее право, всякое централизованное государство тем самым полагает себя как абсолютное отрицание прав всех других государств, не признавая их в заключенных с ними договорах иначе как в видах политического интереса или по бессилию".

Лига Наций вполне оправдывает прозорливость Бакунина. Именно, по указанным выше причинам, Лига Наций с самого начала своего существования была и остается Лигой Войны, лигой крупных и мелких империалистических разбойников, лигой американских „генгстеров" или, как говорил Ленин, „лигой бешенных собак, которые крадут друг у друга кости". (Те-

перь большевики с этими собаками).

За короткое существование Лиги Наций можно насчитать свыше двадцати разных войн и захватов: греко-турецкая война, захват Румынией Бессарабии, захват Польшей Вильно, Литвой — Мемеля, война союзников против России, войны с Россией Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Финдляндии, захват Францией Рурской области, Италией — Фиуме, Чехо-Словакией — Угорской Руси, интервенция Соединенных Штатов в Никарагуа, война Боливии с Парагваем из за Чако, бомбардировка Японией Шанхая, захват ею Манджурии, продолжающийся разбой Японии в Китае, подавление Англией Египта и, наконец, война Италии с Абиссинией. Одним словом, вместо перековки „мечей в серпы" все время происходит обратное — **перековка серпов в мечи, вместо разоружения, о котором так сладко поют в Женеве, бешенное вооружение, вместо мира — непрерывная война.**

Нет ничего, поэтому, удивительного в том, что современное международное положение есть ничто иное как канун новой мировой бойни. Насколько лет растянется этот канун — на год, два, три или больше — трудно сказать, но война все равно неотвратима. Все более и более усиливающееся вооружение с гигантской быстротой приближает час кровавой вспышки. Каждое государство боится отстать в вооружении от своего соседа. Это безумное состязание в вооружении обходится страшно дорого и тяжким бременем ложится на широкие трудящиеся массы, ибо военные и пр. бюджеты, в конце концов, составляются не из средств богачей, а из медных грошей бедняков, являющихся тем бараном, с которого дерут по семь шкур в виде прямых и косвенных налогов. Милитаристическая лихорадка капиталистических классов в 1934 году конкретно выражалась для Франции в 22.3% всего государственного бюджета, для Германии — 17.1%, а теперь, с введением всеобщей воинской повинности и с восстановлением флота, эти расходы, конечно, увеличились в значительной степени. Для Великобритании военн. расходы равнялись 16.4% всего государственного бюджета, для Италии — 20.8%, для Японии — 43.7%, для Соед. Штатов — 17.9%, а для Советской России расходы по вооружению являются самыми большими бюджетными расходами и они растут с баснословной быстротой: в 1927 году они равнялись — 831 м., в 1933 г. — 1.573 млн., а в 1934 г., согласно заявлению Тухачевского, было ассигновано 1.665 млн., а в действительности было израсходовано 5.000 млн. В 1935 г., согласно заявлению того же самого Тухачевского, расходы на вооружение должны были превзойти 6.500 млн. рублей.

На какое вооружение тратятся эти сказочные суммы, выжатые всеми правдами и неправдами из трудящихся масс?

Эти средства расходуются главным образом на авиацию, моторизацию, механизацию и радиотизацию армии и флота и химию, ибо грядущая война будет войной механизмов и химии.

От Советской России не отстают и другие страны — они из кожи лезут вон, а отвечают на один аэроплан соседа двумя аэропланами, на один танк — двумя танками и т. д. и, конечно, при этом все наперерыв кричат о своем миролюбии и об'ясняются друг другу в любви в самых изысканных выражениях. На устах дружелюбная улыбка, в глазах — желание братски обнять и расцеловать, а за спиной — остро-отточенный нож мясника.

„Хочешь мира — готовься к войне". Вот — девиз всех государств, вот — основной принцип Лиги Наций. Отсюда ясно: кто хочет войны, тот разоружается. Члены же Лиги войны не хотят, поэтому они вооружаются до зубов, ибо они прекрасно знают разбойничью природу своих капиталистических государств, у которых брюхо болит от того, что что-нибудь плохо лежит.

„Хочешь мира, готовься к войне" обнажает воровской и грабительский характер капиталистических государств; этим девизом они сами признают себя жуликами, ворами и грабителями-убийцами.

Война, следовательно, открытый разбой и грабеж своего соседа со взломом и убийством, массовым убийством, т. е. уголовное преступление даже с точки зрения капиталистических законов.

Все государства имеют уголовные законы, суды, тюрьмы и палачей, чтобы предохранить „священную и неприкосновенную частную собственность" от захвата путем воровства и грабежа или чтобы наказать преступника со свирепостью Моисеева закона, то почему же, спрашивается, эти самые государства открыто на народные деньги сами подготовляют грабителей и убийц, я имею в виду солдат и генералов, делают их профессию почетной и облагораживают патриотизмом и героизмом? Разве есть разница между знаменитым американским разбойником Делинжером и Соедиными Штатами, пославшим свои войска в Никарагуа? между морскими пиратами и Японией, бомбардировавшей Шанхай и захватившей Манджурию? между бандитской шайкой и Англией, уничтожившей бурские республики Южной Африки? между бандитской шайкой Маффия и Италией, избивающей обезоруженных Эфиопов? О, конечно, разница огромная! Бандиты и пираты грабят и уби-

вают нас, а здесь мы, капиталисты разных государств, грабим и убиваем других, не рискуя даже своей жизнью, ибо мы принуждаем это делать за нас народные массы при помощи школы, лести, похвалы, наград или бесчестием, презрением, преследованием, тюрьмой, пытками и страхом смерти.

Смешно, поэтому, было думать, что Лига Наций, действительно, является лигой народов, а не союзом разбойников, в задачи которого входит организация войны, а не мира. В этом разбойничьем союзе главную скрипку играли Англия, Франция и отчасти Италия, а теперь Англия и Франция. Германия ушла из Лиги потому, что не хочет быть больше грабимой, она теперь хочет сама грабить, поэтому она разорвала Версальский договор, ввела обязательную всеобщую воинскую повинность и строит, с разрешения Англии, флот, что дает Англии возможность держать в страхе Францию и Россию. Япония грабит Китай и вышла из Лиги, которая не двинула и пальцем в защиту Китая, а Англия даже обманула своего союзника Соединенные Штаты, потому что ей выгодно увязить Японию в Китае и столкнуть с Россией, как в 1904-5 годах, или со Штатами. Но картина совершенно изменилась, когда Муссолини, по примеру Японии, начал грабить Абиссинию. Лига вдруг стала стражем мира, да и каким еще! Почему? Да просто потому, что Муссолини не принял предложения „мирного" раздела Эфиопии между Англией, Францией и Италией, а захотел сам „цивилизовать" Абиссинию без англо-французской помощи.

В течении долгих месяцев Абиссиния ждала правосудия со стороны Лиги и **дождалась итальянского наступления, против которого,** когда получилось известие, **не подняли голоса протеста даже советские и социалистические песнопевцы мира и всеобщего разоружения!** Представитель СССР — Потемкин и представитель социалистического правительства Дании — Мюнх не проронили ни единого слова: своя рубашка ближе к телу. В самом деле, стоит из-за какой то там Эфиопии терять дружбу могущественных империалистических буржуазий Англии и Франции и нефтяной рынок Италии! Когда же у английской буржуазии заговорила „справедливость" и она стала настаивать на приведение в движение карательных пунктов устава Лиги против нарушителя мира и установления экономического бойкота, то „справедливость" других буржуазий заговорила о возмещении убытков в качестве оплаты за проявление верности уставу Лиги! Под давлением английской „справедливости" 51 государство применяет (на словах) к Италии, как нарушительнице мира, „экономические санкции", но замечательно, даже коллективное негодование Лиги Наций против Италии, ложь которого обнаруживает японский разбой в Китае, не смогло подняться выше нефти, хлопка и целого ряда других чрезвычайно необходимых для ведения войны материалов — они не только не включены в „санкции", но, наоборот, Италия усиленно снабжается ими даже „апостолом мира" — Советским Союзом, где „ведущая мировой пролетариат" партия и „самые революционные" профсоюзы даже и не думают призвать рабочих своей страны к отказу нагружать материалы и товары, предназначенные к отправке в Италию, как это делают некоторые американские моряки. „Социалистическое отечество пролетариата" в роли поджигателя войны и скэба — вот так миролюбец!

Если алчность, жажда наживы и боязнь потерять рынок обуревают Советский Союз, то что же мы можем ожидать от капиталистических стран, душа которых — прибыль, нажива и грабеж?!

Мы уже в течении долгих лет утверждали и доказывали, что Советский Союз, вернее, большевики со своей теорией государственного социализма и диктатуры, есть злейшая реакция не только внутри, но и на международной арене, есть милитаризм и империализм. В самом деле, что это как не империализм захват Грузии, Хивы, Бухары, Монголии, подаренной Китаю, „по бессилию" и проданной по той же причине Японии, Восточно-Китайской железной дороги? Что это как не милитаризм непрерывное бешенное вооружение, введение в армии старой „табели о рангах", т. е. чинов, военный союз с французским империализмом, приказ Французской Компартии прекратить борьбу против отечественного милитаризма, и, наконец, постыднейшее молчание в Лиге Наций Потемкина при известии о начале военных действии Италии против Абиссинии? Что это как не подлейшая реакция уничтожение внутри всяких политических прав и гарантий, подписание договора с капиталистами о выдаче террористов, происшедшее после убийства сербского короля, и выдача итальянскому фашизму Петрини?

Это, что не замечают социал-демократы, а когда замечают, то не оценивают надлежащим образом, ставит Советский Союз на одну доску со всеми остальными капиталистическими державами и говорит о том, что в мире имеется только одна держава, которая искренне хочет мира и эта держава — **Рабочий класс,** все трудящиеся. Но, к сожалению, эта великая держава, искренне стремящаяся к миру, вводится в страшное и роковое заблуждение международной социал-демократией и ее проф-

союзами. Рабочий Социалистический Интернационал и Международная Федерация Профессиональных Союзов „во имя гуманности и цивилизации“ требуют от Лиги Наций применить к Италии „немедленные и действительные санкции“. Это, легко выражаясь, преступная наивность честного человека, который расчитывает найти защиту гуманности и цивилизации у шайки профессиональных грабителей и убийц, а Лига Наций, это теперь ни для кого не секрет, есть именно сборище представителей интересов разных национальных грабительских капиталистических шаек. Как можно серьезно обращаться к ним от имени гуманности и цивилизации, которые служат для них лишь средством прикрытия грабежа своего слабого соседа? Как можно обращаться к ним и требовать от них „положить конец неслыханному преступлению против права народов“, когда поведение всех государств основывается на принципе „подтолкни падающего“? Предложение положить конец преступлению против „права народов“ равносильно, поэтому, предложению покончить самоубийством, ибо это „преступление“ есть основная сущность всякого государства, без которого оно существовать не может, оно и возникло то только благодаря этому „преступлению против прав народов“.

Еще более нелепо, даже преступно с точки зрения гуманности, цивилизации и права народов обещать, как это делает РСИ и МФПС, Лиге Наций „самую действенную поддержку своих организаций в применении всех тех санкций, которые окажутся необходимыми для прекращения войны и скорейшего восстановления мира“. Разве не ясно, что Лига не выражала никакого желания предотвратить нападение Италии на Абиссинию? Разве не ясно, что Лига имела склонность поступить в итало-абиссинском конфликте также, как она поступила в японо-китайском? Разве не ясно, что Англия силой заставляет членов Лиги принять политику санкций? Разве не ясно, что Франция упирается и не хочет терять Италию, как союзника против Германии? Разве не ясно, что Англией руководят не интересы цивилизации, гуманности и прав народов, а только грубый эгоистический интерес, связанный с водами озера Цан и с эксплоатацией природных богатств Абиссинии? Разве обсуждение Лигой итало-эфиопского конфликта не носило характер открытого грубого дележа Абиссинии, во имя пред'отвращения войны? И разве не ясно теперь, что все преславутые санкции имеют только одну определенную цель — раздел Эфиопии „мирным“ путем между Англией, Францией и Италией с сохранением видимости самостоятельного существования этой страны? Может быть еще не успеют высохнуть чернила этой статьи, как произойдет этот раздел, т. е. восторжествует „мир“, „справедливость“, „гуманность“, „цивилизация“ и „право народов“.

Обещать при таких условиях „самую действенную поддержку“ Лиге Наций это значит быть орудием в руках господствующей в Лиге Наций грабительской капиталистической шайки. Применение санкций государствами только лишь формально совпадает с интересами мира, с интересами рабочего класса, по существу же эти санкции направлены против него, против мира, против прав народов, поэтому **пролетариат должен быть против санкций Лиги Наций, против санкций государств, за свои собственные санкции.** Только они одни могут приостановить грабеж и избиение абиссинцев тальянским милитаризмом; только они одни могут приостановить преступную политику английского капитализма; только они одни могут приостановить хищнический разгул японских пиратов в Китае.

Что же это за санкции? **Это — международный солидарный бойкот товаров наиболее хищных капиталистических стран. Это — приостановка всей внешней торговли с такими странами, как Япония и Италия, путем международно-организованного отказа рабочих нагружать и разгружать пароходы и поезда, идущие в эти страны или приходящие из них. Это — отказ рабочих транспортировать из страны в страну орудия, военное снаряжение и все, что необходимо для войны. Только эти средства,** бурно и страстно проводимые самим пролетариатом, помимо и против правительств, **могут приостановить существующие ныне военные „конфликты“ и предотвратить ряд назревающих конфликтов и грядущую мировую бойню народов.**

Против Лиги Наций, против ее санкций, против санкций государств, играющих на руку одной грабительской шайки капиталистов; за независимые санкции международного пролетариата, бьющие своих и чужих грабителей. Вне этого нет спасения от войны!

Г. Максимов.

ВАЖНО!

Новый адрес Федеративного секретаря

Всю переписку по делам Федерации и журнала просим направлять по адресу:

J. Novick, 2140 S. Fairfield Ave. Chicago, Ill.

Боритесь с милитаризмом — не покупайте японских и итальянских товаров.

Большевики выдали А. Петрини фашистам!

Лаконическое сообщение, совсем недавно полученное из Италии, гласит: **„Альфонсо Петрини после того, как он провел три дня в анконской тюрьме, был переведен в Аквилу“.**

В Аквиле находится тот судебный трибунал, который в 1926 г. приговорил Петрини к 22 годам тюремного заключения за участие в имевших место в Анконе в 1920 году революционных беспорядках.

Анкона, где родился Петрини, — портовый город на берегу Адриатического моря, связан постоянным пароходным сообщением с Россией.

***

Как после этого не предположить, что Петрини был выдан Италии большевистскими властями?

24-го мая окончился срок его трехлетней ссылки в Астрахани. До того он провел три года в разных тюрьмах, куда его заключило Г. П. У. без всякого судебного приговора. 25-го мая Петрини писал нам, что астраханские власти дожидались распоряжений из Москвы относительно того, куда он снова должен быть сослан. Несколько месяцев тому назад была захвачена корреспонденция, которую Петрини вел со своими, находившимися заграницей, товарищами. Этим оправдывалось новое наказание, которому решило подвергнуть Петрини Г. П. У. и о котором Петрини уже было об'явлено.

7-го июня Петрини расписался в выслушании приговора о высылке его из России. Это известие наполнило радостью сердца всех его друзей. И сам Петрини, и мы в течение нескольких лет ходатайствовали об этой высылке из С.С.С.Р., как о милости — настолько невыносима при большевистском режиме жизнь тех, кто отказывается об'единять свою любовь к освободительной революции с политическим и милитаристическим государством, захватившим власть в России. Эта высылка должна была дать, наконец, возможность Петрини выбраться из страны, где он, как и многие другие, нашел лишь одни разочарования, бедствия и преследования. Он получал возможность снова жить со своими товарищами и заняться поправкой своего сильно пошатнувшегося здоровья.

Это оказалось последней вестью, полученной от него. Затем наступило зловещее молчание, продолжавшееся несколько долгих месяцев. Теперь мы знаем, что означало это молчание.

Петрини жил в Астрахани в самой крайней нищете. Тюремное заключение и суровый климат превратили этого 35-летнего человека, прежде сильного и здорового, в несчастное существо, из'еденное туберкулезом и голодом. Он мог работать только изредка, болезнь давала ему небольшой отдых. Много раз его увольняли с фабрик, так как Г.П.У. доносило на него фабричной администрации, как на опасного человека, которого должно опасаться, как зачумленного, как „парию“. Иногда же и сам он предпочитал жалкое существование безработного работе на фабрике, где начальство старалось его провоцировать, и ему становилось ясным, что рано или поздно его снова начнут преследовать. На этот счет у нас имеется совершенно определенное документальное доказательство.

Существовало ли какое-либо молчаливое соглашение между русскими и итальянскими властями относительно выдачи Петрини? Мы убеждены в том, что такое соглашение существовало.

Действительно, выдача Петрини являлась превосходным средством, позволявшим советским властям достигнуть одновременно двух весьма желательных им результатов: удовлетворить **дружественную** державу (Литвинов еще только недавно заявил в Женеве о дружелюбных отношениях, существующих между С.С.С.Р. и Италией) и в то же время помешать тому, чтобы оказался заграницей еще один неудобный свидетель всех мерзостей, творимых Г.П.У. Притом же разве не было также желательным лицемерно избавиться от человека, по поводу преследования которого велась международная агитация, причинявшая большевистскому правительству большие неприятности?

Если бы Петрини был поставлен в такие условия, при которых он не мог бы выступить с обвинениями против своих мучителей, то можно было бы утверждать, что он был выдан итальянским властям по его же собственной просьбе. Вот тот слух, который пустит заграницей через своих слуг кремлевский хозяин, друг Лаваля и французского генерального штаба.

Так нет же! Это неправда! Хотя Петрини и просил сам о выдаче его, но он **не добровольно** отправился в Италию. Он был вынужден сделать это, так как у него было только две возможности: или умереть подобно зверю, затравленному в пустынях сибирских степей, или же отправиться подышать, хоть немножко, перед своей смертью воздухом своей родины, хотя бы даже через решетчатое окно тюрьмы; последний раз повидать свою семью, своих детей . . .

Словом, этот выбор был подобен выбору, который делает между двумя возмож-

ными положениями тела преступник в самый момент казни, уже находясь в руках неумолимого палача.

Но разве в подобном случае не один только палач ответственен за тот или иной выбор, делаемый преступником?

Быть может когда-нибудь удастся пролить свет на то, как произошла выдача Петрини. Мы узнаем тогда все, что касается новой подлости, совершенной московскими фашистами. Как бы то ни было мы и в настоящее время уже можем утверждать, пред лицом всего революционного мира, что было совершено преступление и против человека, и против идеала, за который отдало свою жизнь так много мучеников.

За эту подлость должны поплатиться те, кто ее совершил.

Интернациональный Комитет Защиты Анархистов.

Брюссель, 6-го октября 1935 г.

КО ВСЕМ!

Друзья и товарищи рабочие!

Зима опять стучится в дверь; жестокая, ужасная русская зима тяжела даже для тех, кто имеет над своей головой крышу, кто может довольствоваться теплом и пищей, а для лишенцев, для эксплоатируемых, для преследуемых зима смертельна . .

Наши заключенные и ссыльные товарищи, чья жизнь даже в летнее время — один бесконечный кошмар нищеты и физическая и моральная пытка, шлют нам из Советской России письма полные отчаяния, которое они едва могут скрыть.

Не проходит ни одного дня без того, чтобы Советское правительство не урезывало средства их существования. Засланные в отдаленнейшие и самые глухие гиблые углы страны, наши ссыльные друзья находятся в условиях неслыханных лишений. В огромном большинстве случаев им невозможно найти работу, а если и посчастливится найти работу, то им не платят за нее. Найти комнату для них часто сопряжено с непреодолимыми препятствиями. Это поистине жизнь затравленного зверя в полном смысле этого слова. Больше того, многие наши товарищи, „политически“ свободные, после долгих лет тюремного заключения и ссылки, варварски преследуются „экономически“: они лишены права работать, права найма жилища, права на какую бы то ни было помощь. Они питаются где и как могут и часто вынуждены спать в поле . . . „Я с ужасом думаю о зиме, которая приближается“ . . . „Мой муж в ссылке, я не знаю, что с нами будет — со мной и с моими детьми“ . . . „Я не могу больше переносить . . . я не могу видеть страдания моих детей“ . . . Вот, что мы читаем в письмах наших ссыльных друзей, их жен и их родителей. Все они знают, что их дорогих и близких ожидает голод, болезни, агония и медленная смерть.

Они просят нас не забывать их, не оставлять их, помочь им. Наша моральная и материальная поддержка — единственная их надежда, единственная „отрада“ среди несчастий и страданий, в которых им приходится жить. Их много, наших несчастных друзей, сосланных „социалистическим отечеством“, поставленных вне закона, обреченных на медленную, но верную смерть в тюрьмах и в забытых людьми углах их обширной страны.

Если мы хотим помочь им, хотя бы немного, мы должны иметь деньги, деньги и еще раз деньги. И что самое важное — мы должны иметь постоянный приток денежных средств без перебоев, без длинных перерывов. Мы должны создать такое положение вещей, при котором мы могли бы регулярно, каждый месяц, посылать пару долларов нашим товарищам, чтобы они могли, как говорится, держать душу в теле и не потерять надежду на лучшие дни.

Мы обращаемся во имя этого ко всем нашим рабочим организациям, ко всем рабочим и отдельным товарищам:

Сделайте все, что в ваших силах, чтобы помочь нашим друзьям!

Распространяйте, как можно шире, наше воззвание.

Выпускайте подписные листы. Организуйте концерты и вечеринки в пользу анархистов и анархо-синдикалистов, ставших жертвами большевистского режима.

Образуйте группы помощи и содействия. Где только возможно вводите систему регулярных взносов. Устраивайте специальные годовщины, а также дни и недели сборов.

Помощь, немедленная помощь — настоятельно необходима. Не медлите, ибо, чем больше растет сталинская реакция, тем более трагичным становится положение наших товарищей.

Оставленные на произвол судьбы, затерянные в дебрях обширной страны, без друзей и забытые, без помощи и поддержки они будут осуждены на скорую гибель. Многие из них уже у конца своего пути.

От каждого из вас в отдельности, от

АНАРХИСТЫ И ВОЙНА

I.

К РАБОЧИМ ВСЕГО МИРА.

(Отношение к войне итальянских анархистов)

Война в Абиссинии приведет к всемирной войне. Каждый день, каждые новые переговоры, которые ведутся дипломатами, каждый новый дипломатический инцидент приближают и подготовляют всемирную бойню.

Высокопарные речи, произносимые в Женеве и в других местах так называемыми представителями наций,—(на самом деле делегатами правительств),—все соображения, которыми обмениваются эти представители, все это является лишь гнусной комедией, которая розыгрывается для того, чтобы заставить народы поверить, что эти важные особы действительно честно, от всего сердца ищут средств, могущих предотвратить ужасную катастрофу. На самом же деле эта пустая болтовня преследует совсем иную цель: выиграть время для того, чтобы лучше подготовиться к войне и вместе с тем произвести впечатление на народы, что правительства делают все, что могут, для того чтобы избежать вооруженный конфликт, но, несмотря на упорные общие усилия, никак не могут предотвратить его.

Из числа всех лиц, играющих роль в этой гнусной траги-комедии, не найдется ни одного, который не был бы исполнителем поручений какой-либо группы капиталистов: финансистов, промышленников или коммерсантов; не найдется ни одного, который не выражал бы желания Главного Штаба какой-либо армии, жаждующего завоеваний, орденов, чинов и дешевой славы ложного героизма; ни одного, который не был бы представителем интересов одной или нескольких интернациональных фирм, производящих оружие и боевые припасы, живущих войною и бестыдно обогащающихся на ее счет; не найдется ни одного, который не был бы ставленником какого-либо шатающегося режима или находящегося при последнем издыхании правительства, вынужденного прибегнуть к войне, как к последнему средству восстановления своего авторитета, которому угрожает опасность.

Все эти люди только и ждут удобного момента для открытия военных действий, подобно акулам, плывующим за судном в ожидании, что кто-нибудь упадет за борт.

И вместе с тем — о верх лицемерия! — все эти государственные люди, бывшие, теперешние или будущие министры, дипломаты, финансисты, промышленники, аферисты и спекулянты, собравшиеся в Женеве, говорят только о национальных интересах, о внутреннем порядке, о внешней безопасности, о превосходстве одной расы над другой, о цивилизаторской миссии, о праве на расширение владений и т. д. Но все их высокопарные заявления лживы. За их красивыми фразами скрываются низость и безобразие их тайных целей, их тщательно скрываемой алчности.

С одной стороны ни один из этих циничных „послов мира" — каков бы ни был тот режим, представителем которого он является — не может действительно желать мира, не изменяя тем самым данному ему, послу, мандату, который он взялся исполнить. Мандат же этот требует от него, чтобы он защищал дело и содействовал осуществлению проэктов тех, кто уполномочили его быть их представителем.

С другой стороны нет никакого сомнения в том, что, пока существуют границы отделяющие народы друг от друга; пока существуют противоречающие друг другу интересы различных национальностей и классов, до тех пор всякая держава или классовая группировка может стремиться лишь к расширению своих пределов, к распространению и введению в общее употребление своего языка, к преобладанию своих классовых или национальных интересов; одним словом к торжеству и верховенству своего империализма в самом всеоб'емлющем значении этого слова, иначе говоря, к преобладанию экономическому, политическому, религиозному, законодательному, культурному — к гегемонии.

Такова истина, и было бы трудно оспаривать строгую точность сделанных нами выше утверждений. Высказаны же они нами со следующими целями:

а) Чтобы определить как можно точ-

всех товарищей зависит их судьба и их спасение.

Фонд помощи Международного Товарищества Рабочих для заключенных и ссылных Анархистов и Анархо-Синдикалистов России.

Все средства направляйте по адресу:

B. YELENSKY

3332 Potomac Avenue, Chicago, Ill.

нее позицию, занимаемую анархистами по отношению к совершающимся в настоящее время событиям.

б) Чтобы оправдать и мотивировать ту резолюцию, которую итальянские эмигранты-анархисты, противники фашизма, проживающие во Франции, предлагают принять всем противникам фашизма.

Вот эта резолюция: „Говоря яко бы от имени Италии, рот которой в действительности заткнут, и которая закована в цепи — Италии, руководимой самым опасным из всех современных безумцев-диктаторов, — теперешний фашистский режим выступил в качестве преступного знаменосца, тайно подготовляемой мировой войны.

„Становится очевидным, что теперь едва ли что-либо может предотвратить опасность, висящую над головой всех наций.

„Чтобы избежать этого ужасного бедствия, остается только одно средство: бунт и восстания народных масс в каждой стране; массовое восстание мужчин и женщин, фактически призываемых к ведению войны и к тому, чтобы заплатить своими страданиями, своим плачем по убитым дорогим людям, своей нищетой, своим рабством и самой своей жизнью за невообразимо-губительные последствия этой проклятой войны.

„Заодно с анархистами всех прочих стран и итальянские антифашисты, воинствующие сторонники свободнических взглядов, приговоренные угнетающим их страну отвратительным режимом террора и шпионства к изгнанию — эти изгнанники, как были прежде, так и теперь, остаются и останутся непримиримыми противниками всякой войны, какова бы ни была вызывающая или об'являющая ее нация, и каковы бы ни были открыто об'являемые или скрываемые причины войны.

„В их глазах никакая война не может быть справедливой, законной или хотя бы даже извинительной.

„Поэтому, когда они восстают против фашистской авантюры в Эфиопии, то с их стороны это не есть осуждение, касающееся только этого возмутительного предприятия.

„Но так как война эта уже началась, то, чувствуя, что им необходимо открыто, на глазах всего света, занять по отношению к ней безусловно ясную и определенную позицию, вполне согласную с дорогими им чувствами и с воодушевляющими их убеждениями, итальянские анархисты-беженцы и изгнанники решили:

„Отказаться вернуться в Италию; ответить, в случае об'явления мобилизации, безусловным отказом на приказ явиться в те военные части, в которые они призываются, и бороться с преступной авантюрой всеми средствами, находящимися в их распоряжении, вплоть до прямого действия и саботажа во всех его формах.

„Кроме того они заклинают всех итальянских антифашистов — к каким бы партиям, вероисповеданиям, группировкам они ни принадлежали — принять такую же резолюцию и мужественно осуществлять ее".

Мы обращаемся с этим настоятельным призывом прежде всего к итальянским антифашистам и пацифистам, потому что они будут — да уже и являются теперь — первыми, которым придется проявить свое возмущение активно.

Но мы уже и теперь обращаемся со своим призывом к международному пролетариату, чтобы он принял наши решения, нашу общую точку зрения, и чтобы, когда наступит решительный момент, он применил их на практике. Да этот момент уже и наступил теперь, когда начались военные действия между итальянцами и эфиопами.

Фашистское нападение на эфиопский народ окажется вероятно той искрой, которая зажжет пожар всемирной войны; оно будет тем толчком, который вызовет крушение непрочных лесов, поддерживающих строющееся здание международного мира.

На всех тех, кто искренно об'являют себя антимилитаристами и пацифистами, лежит повелительная обязанность немедленно присоединиться к действию, которое анархисты решили предпринять против возмутительной безумной политики Муссолини и против всяких других военных авантюр.

Истинным антимилитаристом и пацифистом можно быть только неустанно и всеми средствами сражаясь против всякого милитаризма и всяких войн.

Итальянские анархисты.

II.

ПРОТИВ ВОЙНЫ И ФАШИЗМА!

(Точка зрения нашей братской французской газеты „Завоевание Хлеба")

После конфликтов китайско-японского и в Гранд Чако опять уже вспыхнул новый конфликт: начались военные действия между итальянцами и эфиопами, причем война даже не была об'явлена. Нисколько не считаясь ни с международным правом, ни с справедливостью, ни с гуманностью, Муссолини двинул свои орды для грабежа и убийства.

Кровь уже течет, трупами мужчин, жен-

щин и детей уже усеяна земля, матери и жены уже оплакивают погибших в бою сыновей и мужей.

Приходится опасаться, что загоревшийся в Абиссинии костер окажется искрой, от которой загорится огонь и в других местах; что итало-абиссинская война является лишь прелюдией к мировому пожару. Это будет новая гекатомба, еще более ужасная, чем та последняя, которая была принесена богу войны во имя „права и цивилизации“. Снова миллионы, а может быть даже и десятки миллионов, убитых и еще большее число отравленных газами. Снова бесконечные толпы вдов и сирот. Снова развалины и невообразимое разорение, от которого, может быть, никогда не оправится человечество. Нищета станет еще более глубокой, рабство еще более тяжелым. Это будет концом всех благородных стремлений, всякого возвышенного идеала. Это будет падение в бездну.

И все это совершается к вящему удовольствию и главным образом ради приумножения прибылей Шнейдеров, Круппов и др. пушечных королей; Венделей, английских и пр. нефтяных королей; Муссолини, Гитлеров, Лавалей и подобных им господ.

На чью помощь можем рассчитывать мы, стремящиеся предотвратить возможность новой войны? На Лигу Наций? На Народный Форнт? На Профсоюзное Единство? Какая из этих организаций может вернуть людям мир, злочастный мир, убегающий в испуге при виде страдающих манией убийства правителей и капиталистов, торгующих пушками?

Увы! Горестно констатировать, ни одна из этих организаций не может, хотя бы лишь на время, обеспечить человечеству мир. Женева? Этот разбойничий притон не желает и не может сделать этого. Если Лига Наций не прибегнет к санкциям, то это будет означать, что Эфиопия отдана Италии и, кроме того, что тем самым открывается дверь Гитлеру, мечтающему о новых колониальных войнах. Если же санкции будут применены, будь то санкции экономические или военные, то это сделает весьма вероятным всеобщий пожар.

Народный Фронт? Увы, это средство уже было испробовано дважды! Если даже у нас еще могла оставаться хотя бы какая-нибудь надежда на действительность этого средства, то она совершенно улетучилась под впечатлением речей, произнесенных разными ораторами на митинге, состоявшемся 3-го октября, в театре „Севастополь“, в Лилле. Там мы слышали, как радикал Муати сказал, что надо вырвать у фашистов „Марсельезу“, украденную ими у нас. Там Життон, член коммунистической партии, сделал следующее заявление: „Ни одной копейки, ни одного солдата для Муссолини, но все для Негуса“ и еще: „И пусть после этой войны правители не жалуются, что некоторые народы пользуются для своего освобождения тем оружием, которое было выдано им для ведения войны“.

Не более, чем на Народный Фронт, можно рассчитывать и на Профсоюзное Единство, на это об'единение, бывшее целью столь многих воинствующих профессионалистов; на это об'единение, осуществление которого зажгло в наших сердцах новые радужные надежды. Наш старый друг Себастьян Фор слишком ясно доказал в своей статье „О Профсоюзном Единстве“ слабость этого об'единения, его ненадежность, чтобы нас могли упрекнуть за то, что мы не возлагаем на него надежд, в которых мы несомненно обманулись бы.

С другой стороны, фашисты и люди, об'единенные под знаменем Огненного Креста, прилагают все старания к тому, чтобы, оказав сильное давление на наше правительство, заставить его стать на сторону Италии. Они устраивают манифестации в столице и разгуливают по улицам с криками: „Да здравствует Италия! Долой Англию!“ А г-н де Керилли, в газете „Эко де Пари“, грозит Франции гражданской войной, если она пожелает принять участие в санкциях против Италии.

Но в таком случае что же еще может быть предпринято для того, чтобы противодействовать надвигающейся войне? Какую преграду можно соорудить против надвигающейся приливной волны фашизма? Неужели нет никакого средства против этого потопа?

Нет, это средство имеется. Остаемся еще мы, анархисты; остаются последовательные пацифисты; остается множество людей, получивших отвращение к политическим партиям; остаются люди, не считающие возможным примыкать к каким бы то ни было организациям и не знающие, как бы они могли применить, помимо участия в них, свою революционную энергию; остаются еще такие отдельные личности с чуткими сердцами, которые примкнут к нам, чтобы помочь нашим усилиям.

Воспряньте, анархисты! Займите свои места в рядах бойцов! Одна лишь деятельность анархистов может еще заставить отступить гидру войны, грозящую пожрать человечество. Сегодня мы только горсть смельчаков, но завтра нас будет уже целая когорта, а затем и целый легион. Волна свободничества становится все выше и выше; она усиливается постоянно энергией присоединяющихся к ней все новых и новых разрозненных личностей. И только этот рост свободнического движения может спасти человечество, замышля-

ющее всемирное самоубийство. Но, чтобы достигнуть каких-нибудь полезных результатов, надо сгруппироваться, надо согласовать свои усилия, надо всем вместе дружно ударить на врага и поразить милитаристического Молоха в самое слабое место его панцыря.

„Ля Конкет дю Пан" („Завоевание Хлеба").

III.

НАША ПОЗИЦИЯ

(Отношение к войне Лилльской группы)

Так как мы говорили об „анархистском с'езде", созываемом в Лилле (Примеч. Ред. „Д. Т.". С'езд уже состоялся 10-го и 11-го ноября), то, быть может, будет не бесполезным формулировать отношение анархистов к войне и к фашизму, противопоставить их взгляды отношению к этим вопросам политических партий.

Возможно ли анархистам сотрудничать с этими партиями, хотя бы временно и лишь отчасти, в их борьбе за свободу? Мы убеждены в том, что это невозможно. И не без всяких причин мы дали одной ярой коммунистке, спросившей нас, имеется ли почва, на которой могли бы сойтись для совместной деятельности коммунисты с анархистами, следующий ответ: „Нет, такой почвы не существует! Ибо коммунисты не противники войны, они стоят за войну".

Вот утверждение, которое, конечно, заставит коммунистов скрежетать зубами, и за которое московские главари предадут нас анафеме. А между тем все их отношение к вопросу о войне, все их речи и действия доказывают с полной несомненностью, что они являются противниками не всякой войны вообще, а лишь известного рода войн.

Они об'являют себя противниками итало-эфиопской войны, потому что она противоречит интересам „советского отечества"; но они стоят за войну с Италией; потому что такая война была бы в их интересах. Они против войны, европейских держав с С.С.С.Р., войны, которая могла бы быть вызвана гитлеровской агрессивной политикой; но они были бы за войну „русско-франко-германскую", так как такая война, как они думают, могла бы привести к крушению фашизма Гитлера, первейшого врага русского коммунизма.

Не могут считаться противниками войны те, которые хотят сохранить целиком весь версальский договор, эту „последнюю гарантию мира", как они его называют, забывая, что было время, и притом время не особенно отдаленное, когда они метали громы и молнии против несправедливости этого договора и требовали его отмены.

Нельзя считать противниками войны тех, которые сказали: „Сталин прав", тогда как всем, имеющим глаза, чтобы видеть, и мозг, чтобы разсуждать, ясно из заявлений этого „красного папы", что он считает, что не все войны ненавистны; что бывают и справедливые войны; что безумные затраты правительств на вооружения не создают опасности всеобщего пожара; что Франция права, сохраняя и увеличивая свои вооружения с целью поддержания их на том уровне, который считается ею обеспечивающим ее безопасность; что французские коммунисты напрасно кричат: „долой двухлетний срок отбывания воинской повинности"; что мы были бы „пораженцами и контр-революционерами", блеящими, как овцы, пацифистами, даже „изменниками" интересам рабочего класса, если бы мы отказались пойти умирать за об'единенные интересы С.С.С.Р. и империалистической Франции.

„Социализм" Блюма и „коммунизм" Кашена не имеют решительно ничего общего с интересами мирового пролетариата. И все эти „социалисты" и „коммунисты", от крайней левой до крайней правой Народного Фронта, готовы осуществить кровавый священный союз и подавать сигнал к аттаке, отбивая его на барабане, обтянутом кожей рабочих.

Нас не может также обмануть и фальшивый пацифизм правых группировок, говорящих о том, что они не желали бы, чтобы по случаю итало-эфиопского конфликта пролилась хоть одна капля французской крови, ради защиты чуждых нам интересов. Мы совершенно согласны с теми, которые это говорят; но мы спрашиваем их: „что же вы не кричали того же самого в 1914 году?" Видно их пацифизм пригоден лишь для того, чтобы облегчить Муссолини его авантюру?

Мы, анархисты, против войны и фашизма; против всякой войны и всякого фашизма, каковы бы они ни были: будь то войны завоевательные или оборонительные; будь то фашизм красный или белый. Рабочим нечего защищать кроме своей собственной шкуры и той ничтожной доли свободы, которую у них еще остается.

Лильская Группа.

Товарищи, разите гитлеризм прямо в сердце—бойкотируйте германские товары.

Не забывайте политических заключенных и ссыльных в С. С. С. Р.!

Нужна ли Итальянцам Эфиопия?

Вот как Коррадо Цоли, бывший губернатор Эритреи, описывает в своей книге: „Ло Стата Муссолиниана е ла реализзационе дель фашизмо“ („Муссолиниевское государство и осуществление фашизма“) попытки колонизации эритрейских плоскогорий:

„С первых лет нашей оккупации и до настоящего времени было сделано несколько попыток воспользоваться земледельческими ресурсами Эритреи в целях поднятия экономического положения нашей страны.

„Сначала казалось, что удовлетворительное решение этой задачи должно было быть достигнуто предоставлением земельн. площади плоскогорий в распоряжение итальянских колонистов. Первые попытки этого рода, как например, попытки барона Франкетти, были предприняты в 1893 г. Но, не смотря на упорство и веру в успех, проявленные лицами, сделавшими эти попытки, все они окончились полной неудачей.

„Опыт этот, в котором видели начало великого колонизационного предприятия и крушению которого немало содействовала неудачная кампания 1896 г., представлял собою настоящую принципиальную ошибку. Она состояла в том, что думали, что мелкие земельные собственники, обладавшие капиталом, от тридцати до сорока тысяч лир, соблазнившись чрезвычайной дешевизной земли в Эритрее, охотно отправятся в эту колонию, и что их легко будет перевезти туда.

„На самом же деле наша эмиграция вызывалась не стремлением мелких собственников найти более выгодную арену для приложения своего труда, а совсем другими причинами: причиной ее была безработица; эмигрантов побуждала покинуть родину надежда найти вне Италии лучше оплачиваемую работу; надежда на то, что, работая в чужой стране изо всех сил и живя чрезвычайно экономно, им удастся накопить небольшой капитал, который позволил бы им обеспечить себе благосостояние и экономическую независимость.

„Доказано, что думать, что имеет смысл переселять в колонии мелких земледельцев — капиталистов, значит предоваться совершенно неосновательной иллюзии. В Эритрее нет никаких подсобных неземледельческих промыслов, которые могли бы доставить переселенцам добавочный доход. Пришлось бы прибегнуть там к государственным субсидиям; а такая государственная помощь, если не ограничить ее крайне скромными пределами, рисковала бы подорвать совершенно всякую частную инициативу.

„Опыт Годефеласси окончился совершенной неудачей. План его состоял в том, чтобы учредить мелкие земельные концессии, площадью около 25 гектаров, распределив эти земельные участки между лицами, которые не должны были зарабатывать себе пропитание исключительно земледелием, а должны были заниматься какими-нибудь подсобными промыслами. Те мелкие земельные концессии, которые были распределены, когда колонией управляли Мартини и Сальваго Рагги, ни по количеству этих концессий, ни по размерам всей занимаемой ими площади не могут быть признаны экономическим и социальным фактом, имеющим сколько-нибудь серьезное значение.

„Но что произойдет, когда и новые земельные концессии потерпят неудачу? Помимо технической помощи, оказываемой концессионерам известными правительственными органами, придется тогда прибегнуть еще к дарованию разных льгот и к выдаче ссуд; а в таком случае на какое-же накопление капиталов может рассчитывать правительство в такой новой и изобилующей всякими трудностями стране, как Эритрея?“

Таким образом, по словам авторитетного лица, итальянцы неспособны жить в Эритрее. А так как этот чрезвычайно обширный район обладает гораздо более здоровым климатом, чем Абиссиния, и не менее плодороден, чем эта последняя, то нетрудно сделать из этого правильный вывод. Очевидно, что и в Абиссинии Муссолини не найдет подходящего поля деятельности для избыточного населения Италии. Тот разбой, которым занимаются орды чернорубашечников „Скарпи“, вызывается, следовательно, не какой-либо действительной надобностью, а просто желанием устроить кровавую баню. Это просто упражнение, необходимое лишь для того, чтобы подогреть угасающий энтузиазм молодежи, опьяненной громкими фразами и хвастливыми формулами. Начав обезьянничать, желая подражать Наполеону, и постоянно говоря о славе и завоеваниях, приходится поневоле, в конце концов, создавать для порабощенного народа иллюзию того, будто он завоевывает мир.

Ло Дизординато.

Боритесь с милитаризмом — не покупайте японских и итальянских товаров.

Прояснение социалистического сознания

В начале наступающего года во Франции состоятся новые выборы в Парламент. Победа левых на этих выборах означает, по общему признанию, правительство Народного Фронта.

Это правительство Народного Фронта вынуждено будет бороться с теми же самыми финансовыми затруднениями, с которыми борется теперешнее правительство Национального Блока. В борьбе против дефляционной политики правительства Лаваля, социал-демократы указывают на то, что только подлинное Народное Правительство в состоянии устранить все финансовые затруднения. Оно увеличит налоги на имущество и облегчит налоговое бремя широких масс. Оно уничтожит безработицу путем учреждения общественных работ в широком масштабе. Оно поднимет покупательную силу широких масс путем увеличения заработной платы. Оно отвергнет дефляционную политику и привлечет капитал к несению тягот хозяйственного кризиса.

Это было и остается программой. Теперь приближается время, когда движение Народного Фронта будет призвано осуществить свои обещания. Опасения в этой области красноречиво выражены Леоном Блюмом в редакционной статье центрального органа французской социал-демократии „Попюлер". Блюм хочет предостеречь свою партию от потрясения, а своих товарищей от разочарований.

„Ни в коем случае нельзя думать, пишет он, что левое правительство сможет без всяких сбалансировать бюджет. Прежде всего необходимо преодолеть кризис. После этого бюджет, так сказать, сбалансируется сам собою. Начинать с бюджета было бы ошибкой. Если нашим товарищам будут задавать вопрос, как правительство Народного Фронта приведет в порядок бюджет, то они должны отклонять этот вопрос.

Почему от левого правительства требуют, чтобы оно в течении дня сделало то, чем усердно, но безуспешно, занимались три года финансисты дефляции? Люди Народного Фронта, когда придут к власти, найдут туже самую экономическую действительность, что и финансисты дефляции. Для них также должно быть ясно, что в период кризиса невозможно установить действительно устойчивый и правильный бюджет. Я не отрицаю необходимости или важности хорошей программы налоговых и финансовых реформ, но не надо впадать в иллюзию, что во время кризиса, разрушившего хозяйство, можно построить при помощи некоторых налоговых и бюджетных мероприятий — даже если бы это была превосходная налоговая реформа — дйствительно сбалансированное хозяйство".

Где же, при этих блюмовских выводах, остается чрезвычайная значимость завоевания политической власти, которая является краеугольным камнем социал-демократической позиции и деятельности? Что это — угрызение совести и как раз перед завоеванием политической власти? Кажется, что так. Временами ищут прикрытия тыла. Оно приноравливается к социалистическому сознанию, в повседневной политики оно обычно не имеет употребления, но при удобных случаях оно служит прекрасную службу.

Чему учат нас выводы Блюма? Они учат нас, что кризис не может быть преодолен финансовыми мероприятиями, что необходим захват хозяйства и установление новой индустриальной жизни на новых основах, что социалистические интересы рабочего класса требуют, чтобы сам рабочий класс, т. е. его экономические организации, проводил это новое социалистическое строительство.

Анархисты и синдикалисты всегда защищали это, социал-демократы же не обращали на это внимания, или даже боролись против этого. Проясняется-ли теперь это сознание? Надолго-ли? До окончания выборов? Поживем — увидим.

Программа французской Всеобщей Конфедерации близко подходит к сути проблеммы. В ней говорится, что для преодоления кризиса и для проведения социалистических мероприятий необходим захват хозяйственной жизни профессиональными союзами. Однако же эта программа еще оставляет для правительства Народного Фронта некоторую дверь открытой. Сначала нужно пройти через нее. Это и предполагает программа и Жуо ясно сказал об этом на последнем с'езде профсоюзов.

Рабочий класс, синдикально организованный и ориентированный, получает, как Геркулес от матери-земли, от своих могущественных экономических средств силу для победы. Если же он пойдет через двери какого-либо правительства, — даже правительства Народного Фронта, — если он перейдет на политическую почву, то он будет стоять на слабых ногах.

Леон Блюм, а с ним и французская социал-демократия, остановились на полдороге. Злой дух завоевания политической власти крепко держит их в своих когтях и не отпускает.

Августин Зухи.

Социальные течения в Америке

Президент Рузвельт в своих посланиях к Конгрессу неоднократно оповещал население Соедин. Штатов о своей внешней и внутренней политике. Последняя определяется следующими заявлениями Рузвельта:

„Мы задались целью создать новый порядок вещей в пределах и духе американской конституции . . . По всему миру происходят перемены. Давно назревшие экономические проблемы вызвали разного рода кризисы. В большинстве стран осуществление социальной справедливости не представляет более отдаленного идеала, а превратилось в определенную цель, и старые правительства начали прислушиваться к голосу народа . . . Мы находим наше население страдающим от старых неравенств, мало измененных прежними спародическими средствами. Вопреки нашим усилиям и разговорам, мы все еще не выпололи сверхпривилегированных и не подняли на должную высоту низшие слои населения. Оба эти проявления несправедливости мешают установлению счастливой жизни“ . . .

Рузвельт констатирует, что население Соед. Штатов страдает от социально-экономического НЕРАВЕНСТВА, что вопреки разговорам об осуществлении социальной справедливости, неравенство остается доминирующим и что, несмотря на происходящие во всем мире перемены, ему не удалось создать новый порядок вещей. И вряд ли он создаст когда-либо „новый порядок вещей“, даже при всем искреннем его желании.

Сам Рузвельт является ставленником ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ партии, возникшей в 1824 г. и представлявшей тогда интересы крупных помещиков и рабовладельцев-плантаторов Юга, а в конце XIX века ставшей представительницей банков. Она ничем не отличается от РЕСПУБЛИКАНСКОЙ партии, основанной в 1854 г. и представлявшей интересы промышленной буржуазии Севера, ведшей борьбу против демократической партии, отстаивавшей интересы аграрного Юга. Разница между демократической и республиканской партиями заключается только в том, что первую поддерживает Моргановская группа капитала, а вторую — Рокфеллеровская группа. Обе партии защищают и утверждают капитализм.

На президентских выборах в 1932 году демократическая партия одержала победу: ее кандидат Рузвельт получил свыше 22 млн. голосов против 15 млн. голосов, поданных за Хувера, кандидата республиканской партии. Нынешний состав Конгресса следующий: из 435 конгрессменов и 96 сенаторов демократы имеют 322 конгрессмена и 69 сенаторов, республиканцы — 102 и 25, прогрессисты — 7 и 1, а фармерско-рабочая партия имеет 3 конгрессменов и 1 сенатора. Число губернаторов в разных штатах: 39 демократов, 7 республиканцев, 1 прогрессист и 1 фармеро-рабочий. Из приведенных данных видно, кто доминирует в С. Штатах. Управление страной находится всецело в руках крупных капиталистов, захвативших все богатства и, понятно, не желающих расстаться с ними.

Однако, все ли население Соед. Штатов согласно с капиталистической системой грабежа и эксплуатации или оно стремится к более справедливой жизни?

Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим другие социальные течения Америки и укажем еще на другие партии, давно существующие и недавно возникшие.

Социалистическая партия, основанная в 1899 г., после раскола социалистической рабочей партии, приняла на последнем своем с'езде резолюцию о НАЦИОНАЛИЗАЦИЙ всех железных дорог, предприятий обществ. пользования, заводов, фабрик и банков посредством ВЫКУПА их особыми бонами, выпущенными правительством; резолюция требует ОТМЕНЫ всяких доходов, кроме жалованья, не превышающего 25,000 дол. в год, и гарантированной каждому рабочему зарплаты в 5,000 дол. в год. Это, конечно, требования буржуазных реформаторов.

Большевистская партия, именующая себя „коммунистической“, и отколовшаяся от нее троцкистская группа, именующая себя рабочей партией, как известно, стремится к ДИКТАТУРЕ и превращению всего населения в рабов государства.

Прогрессивная партия братьев Ла-Фоллетов базируется на идеалах Джеферсона и Маркса и значительным влиянием не пользуется, как и предыдущие партии, исключая архибуржуазные - республиканскую и демократическую партии.

Фармерско-рабочая партия, существующая несколько лет, гораздо радикальнее всех вышеупомянутых партий. Ее программа — НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ или социализация всех средств и орудий производства и замена капиталистического строя — кооперативно-социалистическим. Вождь партии — Флойд Олсон — более искренен в борьбе с капитализмом, чем социалисты, прогрессисты или „коммунисты“. Он — против ААА и министра земледелия Воллеса, вырабатывающего свои планы в строгом соответствии с капиталистическим хозяйством. Считая новую экономическую

политику Рузвельта ступенью к уничтожению капитализма и указывая на то, что кооперативы Миннесоты пострадали гораздо меньше, чем частные предприятия, в длящемся кризисе, Олсон требует, чтобы правительство немедленно приступило к финансированию рабочих и фармерских кооперативов, а также переняло все бездействующие фабрики и передало их безработным для организации в них производства на кооперативных началах. Рабочих, фармеров и кооперативы он считает основой.

Кроме указанных партий, существуют еще и другие группировки, имеющие своих последователей. Так, например, католический патер **Кофлин,** выступающий с горячими обличениями капиталистов и проповедующий реформирование капиталистического строя, как национализация крупных предприятий и введение инфляции для погашения национального долга, помощь фармерам и защита рабочих от эксплуатации, попечение о бедняках и прочие красивые слова демагогов, — организовал свои клубы „социальной справедливости", в которых насчитывается, если верить заявлениям Кофлина, свыше 8 млн. членов-последователей.

Убитый луизианский диктатор, сенатор Лонг, выступавший с суровой филиппикой против Рузвельта и проповедовавший „раздел богатств", при котором ни один гражданин не должен владеть более 4 млн. дол. и зарабатывать не менее 5 тыс. дол. в год, — тоже имеет своих горячих последователей, которых насчитывается в клубах „раздела богатств" 5 млн. человек.

План калифорнийского д-ра **Таунсенда,** руководителя известного социального движения, сводящегося к разрешению всех социальных бед и существующего экономического кризиса посредством ПЕНСИРОВАНИЯ, — предлагает каждому 60-летнему гражданину ежемесячную пенсию в 200 долларов, но с тем условием, чтобы пенсионеры отказались от активного участия в своем деле, профессии или труде и полученные деньги израсходовали в течение месяца в пределах Соединенных Штатов. Это, по мнению доктора, разрешит затянувшийся экономический кризис, ибо даст работу более активным людям, а промышленности — новые средства, которых не имеет трудовое население страны.

По приблизительному подсчету в Соед. Штатах имеется около 10 млн. стариков: 4 млн. — в индустриях и 6 млн. — безработных. Следовательно, в первый год понадобилось бы 24 миллиарда долларов, которые, по мнению Таунсенда, могут быть собраны путем 2% налога на торговлю, который не только не увеличит стоимости товаров, а наоборот — удешевит производство, уменьшит продажную цену и увеличит зарплату, так как все 24 миллиарда долларов пойдут на развитие промышленности и торговли.

Несмотря на то, что Конгресс отверг план Таунсенда, движение его не умерло. В разных штатах оно насчитывает около 3,500 клубов с 20 миллионами последоватлей-членов, если верить заявлениям помощников д-ра Таунсенда. В свое время легислатура штата Аризоны высказалась за одобрение проекта Таунсенда, указав в своей резолюции на то, что содержание 775,000 стариков в богадельнях 28 штатов обходится в 2,500 млн. дол., а все виды помощи безработному населению в 36 миллиардов долларов.

Большим успехом пользуется также Синклеровский ЭПИК — „конец бедности в Калифорнии". Программа ЭПИКА—уничтожение безработицы путем передачи безработным бездействующих промышленных предприятий для производства товаров для собственного потребления, — отчасти сводится к программе фармерско-рабочей партии и предусматривает ПЛАНОВУЮ продукцию и РАВНОМЕРНОЕ распределение, базируясь на кооперативном сотрудничестве. На прошлых выборах синклеровцы получили около 1 млн. голосов и провели своих кандидатов в штатную легислатуру и в другие учреждения. ЭПИК пользуется популярностью и за пределами штата Калифорнии.

Движение, известное под именем „Континентального Комитета", стоящего за уничтожение капитализма и за довольство для всех и ратующего за годовой доход в 5,000 дол. для каждого рабочего и фармера, — тоже пользуется известным успехом и насчитывает 2 миллиона последователей.

Есть еще одно движение, именуемое „Утопическим обществом Америки", основанным в конце 1933 г. в Лос-Анжелесе на подобие массонских лож или католических „Рыцарей Колумба", со своим ритуалом, паролем, полутаинственностью и пр. Утописты популяризируют идеи технократов. Их программа предусматривает НАЦИОНАЛИЗАЦИЮ всех средств и орудий производства, при чем продуктивная способность страны разделяется на число жителей и ежегодно каждому гражданину выдается документ на пользование равной со всеми долей продуктов жизненной необходимости и роскоши; такой способ распределения предотвратит накопление богатств и согласует производство с потреблением. Молодежь учится до 25 лет, развиваясь умственно и физически, затем все, начиная с 25 лет, работают по 4-5 часов в день по своим способностям, а после 45 лет каждый гражданин может выйти в от-

ставку и жить на государственный счет. Здоровый человек, отказывающийся работать, отправляется к врачу и, если он после лечения продолжает лентяйничать, то он лишается права гражданства. Осуществление программы утопистов произойдет тогда, когда число последователей дойдет до 40 млн. человек; они изберут свой Конгресс, который и об'явит все средства и орудия производства национальной собственностью и право граждан на равное участие в благах жизни. Но пока что утопистов насчитывается миллион человек, поэтому далеко еще до осуществления идей технократов.

Из вышеприведенных кратких характеристик различных социальных движений в Америке видно, что продолжающийся экономический кризис взбудоражил людские умы, ищущие выхода из создавшегося бедственного положения и хватающиеся за всякие лозунги. Заметный успех имеют прогрессивные и левые течения. В 1932 г. социалисты получили на выборах около 900,000 голосов; фармерско-рабочая партия — 500,000 голосов в 1934 году на выборах в Миннесоте; прогрессивная партия в том же году на выборах в Висконсине — 425,000 голосов и коммунистическая партия — 103,000 голосов. Если прогрессивные и оппозиционные партии столкуются и об'единятся, то общими силами они могут нанести серьезный удар старым буржуазным партиям, хотя это не разрешит социальных проблем и бед.

Отрадно отметить лишь то, что в общественном сознании американцев замечается все больший сдвиг влево, и прогрессивные элементы начинают вытеснять заядлых консерваторов и реакционеров. Но еще более важен тот факт, что в широких массах трудового населения Америки появились ИСКАНИЯ правды и справедливости, дабы устроить общественную жизнь на началах свободы и довольства для всех. Это говорит о значительном росте общественного сознания.

В заключение напомним читателю, что никакими половинчатыми мерами, выдвигаемыми различными политическими лидерами, нельзя достигнуть всеобщего благополучия при сохранении все той же эксплуататорской системы капитализма. Ни Кофлины, ни Лонги, ни большевики, ни меньшевики не дадут труженикам жизненных благ. Население может достигнуть их только при помощи СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ, упраздняющей частную собственность на орудия и средства производства и делающей их ДОСТОЯНИЕМ не какой-либо партии или правительства, а всего народа. А это достижимо только при свободном, безвластническом или анархическом коммунизме.

П. Гордин.

ГОСУДАРСТВО И КУЛЬТУРА

(Окончание)

Вследствие жестокого изгнания из Испании мавров и евреев, страна эта потеряла своих лучших ремесленников и земледельцев. Поэтому совершенно неизбежно замечательные сооружения для искусственного орошения земли пришли в упадок, и самые плодородные местности страны превратились в пустыни. Испания, еще в первой половине 16-го столетия вывозившая зерно в другие страны, уже в 1610 г. была вынуждена ввозить заграничное зерно, несмотря на то, что население ее все время уменьшалось. После занятия Гранады народонаселение страны исчислялось в почти что 12 миллионов человек. При Филиппе II народонаселение уменьшилось до цифры несколько большей 8 миллионов. Народная перепись, предпринятая во второй половине 17-го столетия, дала цифру всего лишь в 6,843,672 человек.

Прежде Испания могла не только снабжать свои колонии всеми необходимыми им произведениями промышленности, но еще вывозила заграницу большое количество шелка, сукна и других товаров. А в конце 17-го столетия три четверти населения носили одежду, сшитую из заграничных тканей. Промышленность пришла в полный упадок, и в Кастилии и некоторых других местностях правительство было вынуждено здавать землю в аренду иностранцам. Но всего важнее то, что у народа, под влиянием постоянного правительственного гнета, пропала всякая охота к труду. Кто только мог, становился или монахом, или солдатом, и страна была об'ята неимоверным духовным мраком. Труд так презирался, что еще в 1781 году мадридская академия об'явила конкурс, обещая награду автору наилучшего сочинения, доказывающего, что занятие полезным ремеслом отнюдь не унижает человека и не наносит ущерба его чести.

„Нищета ослабила гордость и убила свободу“, говорит Гарридо в своем сочинении „Современная Испания“. „Суеверие создало самый страшный бич. Оно привело к тому, что большая часть имений переходило в неот'емлемую собственность церковных корпораций. Стремление соз-

давать майораты и дарить земли церкви до того усилилось, что в начале революции, происшедшй в нынешнем (т. е. 19-ом) столетии более трех четвертей земли были обременены сервитутами".

Могут возразить, что именно во время господства национального абсолютизма испанская литература, а также и испанская живопись достигли наивысшей точки своего развития. Но не надо поддаваться этому заблуждению: творчество этого периода было лишь духовным осадком прошлого, оплодотворившим лишь немногих выдающихся людей. Это творчество предназначалось лишь для ничтожного по численности общественного слоя; в народе же, жизнь которого протекала в глубокой нищете и духовном мраке, это художественное творчество не находило ни малейшего отзвука. Поэтому Дорке высказывает мимоходом следующую совершенно верную мысль: „Если на ряду с упадком государственности в некоторых областях культуры были достигнуты значительные результаты; если наблюдался расцвет поэзии и живописи, то это обстоятельство не должно вводить в заблуждение относительно истинных причин всеобщего упадка, который не мог быть остановлен подобными частными явлениями. Такие же противоречия встречаются и в культурной жизни других стран. Сохранившаяся еще в народе жезненная энергия проявилась в тех областях, в которых ей только еще и можно было проявляться, несмотря на гнет духовного и светского деспотизма".*)

Высокое развитие русской литературы во времена царизма представляет собою превосходный пример, подтверждающей правильность этого взгляда Диркса. Притом же этот блестящий период расцвета испанской литературы продолжался недолго, и лишь подчеркнул последовавший за ним быстрый упадок ее.

Во Франции также стремление единого национального государства к централизации, сосредоточение всей власти в руках короля за счет местных прав и свобод общин и провинций привело к тому, что французские короли, в своем безграничном властолюбии, поставили себе целью во что бы то ни стало сделать Францию мировой державой. Наиболее типичным представителем этой политики был Людовик XIV. И эта политика столкнула Францию и все европейские континентальные государства в бездну нищеты и духовного варварства.

Подобные же явления проходят красной нитью через историю всех народов и всюду приводят к одним и тем же результатам. Национально-политическое единство никогда и нигде не влияло плодотворно на развитие духовной культуры; наоборот, оно всегда ставило ей преграды, так как оно приносило в жертву безграничному стремлению национального государства к власти наилучшие силы народного целого и тем самым истощало самые глубокие источники всякой духовной деятельности. Именно эпохи так называемого „национального раздробления" до сих пор всегда бывали великими культурными периодами в истории народов; тогда как эпохи „национального единства" неизбежно приводили к понижению и упадку всех высших культурных форм.

В старой Германии культура достигла наивысшей точки своего развития в вольных городах средневековья среди окружавшего их мира безкультурности и варварства. Эти города были единственными пунктами, где могли развиваться искусство и ремесла, где еще было возможно свободное мышление и где люди чувствовали себя об'единенными духом общественности. Могучие памятники средневековой архитектуры и искусства все еще являются великими знамениями блестящего культурного развития, и таких блестящих периодов можно указать мало в истории Германии. Но и история новейшей духовной культуры Германии также может служить подтверждением все той же до сих пор, к сожалению, еще мало понятой истины. Все великие духовные достижения в Германии относятся к прежнему периоду ее „национальной раздробленности". Ее классическая литература, начиная от Клопштока и кончая Шиллером и Гете, ее искусство периода романтизма, ее классическая философия от Канта до Ницше, ее музыкальное творчество от Бетховена до Вагнера . . . все это относится ко времени, предшествующему созданию империи. С победой германского национального государства уже начинается упадок немецкой культуры, изсякание ее творческих сил и в то же время торжество „бисмаркианизма", как назвал Бакунин бездушное об'единение милитаризма и бюрократизма. Ницше был прав, когда он сказал, что „когда немцы начали заинтересовывать другие европейские народы, то интерес этот был вызван такого рода образованностью, которою немцы в настоящее время уже более не обладают, которую они даже с каким-то слепым рвением постарались стряхнуть с себя, словно это была какая-то болезнь; а между тем взамен этой образованности они не сумели получить ничего лучшего, чем политическое и национальное безумие".*)

*) G. Diercks, "Geschichte Spaniens", т. II, стр. 394.

*) Ницше, собрание соч., т. V, стр. 179.

А Константин Франц, немецкий федералист и противник взглядов Бисмарка, высказал такое мнение: „Достаточно лишь посмотреть на имеющуюся в наше время в каждом магазине художественных произведений картину, изображающую провозглашение новой империи в Версале, чтобы сущность этого нового творения предстала перед нами с полной ясностью: тут мы видим перед собою общество людей, одетых в блестящие мундиры, перед которыми несколько господ в черных фраках играют весьма унизительную роль. Все это так прозаично и не-народно .... нельзя было более ярко изобразить водворение эры милитаризма".*)

Действительно, национальное единство превратило Германию в Пруссию больших размеров, чувствовавшую себя призванной заниматься мировой политикой. Казарма сделалась тем университетом, в котором внедрялся новогерманский образ мыслей. Мы достигли великого в области техники и прикладных наук, но зато кругозор наш сузился в области духовной, и мы духовно обеднели. Но всего важнее то, что мы утратили тот замечательный широкий универсальный взгляд на вещи, которым обладали Лессинг, Гердер, Гете, Шиллер, Жан Поль и которым некогда гордились немцы. Мы вовсе не намерены восхвалять здесь партикуляризм, обособленность маленьких государств. Мы стремимся лишь к полному устранению принципа власти из жизни общества и, следовательно, к преодолению государственности во всех ее формах и земене ее более высокой общественной культурой, покоющейся на свободе человека и на присущем ему чувстве социальной справедливости. Но это нимало не изменяет того факта, что чем большие размеры имеет государство и чем большими средствами для проявления своей власти оно обладает, тем более опасным оно становится для человеческой свободы и для запросов более высокой духовной культуры. Оба эти элемента, т. е. свобода и духовная культура, подвергаются наибольшей опасности в едином централизованном государстве. Это совершенно правильно усмотрел Пауло Пизаканэ, высказавший в своем сочинении „Саггио Сулла Риволюционе" следующую мысль: „Всякое правительство, даже деспотическое, иногда бывает в состоянии содействовать успехам науки и привлекать к сотрудничеству с ним людей гениальных, людей великой души; оно делает это, или уступая духу времени, или потому, что это соответствует личным стремлениям главы государства. Из этого можно сделать тот вывод, что чем больше правительство проявляет свою деятельность в какой-нибудь стране, тем больше шансов, что общий царящий в ней мрак будет освещаться по крайней мере хоть немногими духовными факелами".

Прудон в своем главном сочинении, озаглавненном „Федеративный Принцип" выразил следующую мысл: „Двадцатое столетие или откроет эру федераций, или же человечество снова низвергнется в чистилище на тысячу лет. Самая важная проблема, ожидающая решения, в действительности, уже проблема не политическая, а экономическая".

Ну, до сих пор двадцатое столетие принесло нам с собою не федерализм, а усиление до безграничности централизации. К чему привело это развитие показала нам мировая война; это показывают нам прежде всего страшная разруха в наших политических и экономических делах, ужасающее отсутствие в наше время духовности и недостаток сколько-нибудь глубокого понимания культуры. Мы действительно уже находимся в чистилище и никто не может предвидеть, когда пробьет для нас час избавления.

Но тот факт, что решение задачи, о которой говорил Прудон, возможно лишь в рамках федерации свободных общин, будет осознаваться в наше время все более и более всеми теми, кто понял опасности, грозящие нам в ближайшем будущем, и кто не желает, чтобы человечество умирало медленною смертью в тисках государственного капитализма.

Рудольф Рокер.

*) C. Frantz, Die preussische Intelligenz und ihre Grenzen;

Декабрист Павел Иванович Пестель

(1793-1826)

(К 110-ой годовщине восстания декабристов)

Павел Иванович Пестель родился в русской дворянской семье лютеранского вероисповедания. До 12-ти летнего возраста Пестель воспитывался в доме родителей. В 1805 году он, вместе с братом, был отправлен на воспитание в Германию: сперва в Гамбург, а затем в Дрезден. Заграничным воспитанием Пестеля руководил некий Зейдель. В Россию Пестель вернулся в 1809 году, где в следующем году был определен в Пажский Корпус, откуда, в 1811 году, он был выпущен прапорщиком

и определен в Лейб-гвардейский Литовский полк, переименованный в последствии в Московский.

В 1813 году, не излечившись еще от раны, Пестель был прикомандирован к командующему армией графу Витгенштейну в качестве ад'ютанта. Он провел всю военную кампанию 1813-14 г., принимая участие во всех сражениях. За Лейпцигскую битву его наградили орденом, а за кампанию 1813 г., произвели в чин поручика; за кампанию же 1814 г. Пестель снова был награжден орденом. В 1820 г. его произвели в подполковники и перевели в Мариупольский гусарский полк. В этом же году он был назначен к походу в Италию, но поход не состоялся и Пестеля прикомандировали к главной квартире 2-й армии по делам возмущения греков. По этим делам он трижды посылался в Бессарабию, откуда послал в министерство иностранных дел две больших записки о греко-турецких делах. В 1821 г. Пестель был произведен, в порядке старшинства, в полковники и назначен командиром Вятского пехотного полка, которым он командовал вплоть до ареста 13 декабря 1825 года.

К этим сухим данным биографии примерного офицера Пестель добавил на быследствии следующее: „Я никогда не бывал перед сим ни под судом, ниже в каких либо штрафах и даже в продолжении всей моей службы ни единого разу не был арестован и выговора не получал“. А между тем этот примерный служака был центром революционного заговора, его душой, мозгом и руководителем с 1817 г. по 1825.

Первой тайной организацией был СОЮЗ СПАСЕНИЯ (1816-17 г.), который Пестель называл ОБЩЕСТВОМ ИСТИННЫХ И ВЕРНЫХ СЫНОВ ОТЕЧЕСТВА. По одним сведениям Пестель был одним из основателей этого союза, по другим — он примкнул к нему вскоре после его основания. Общество это не имело ни программного, ни тактического единства, по форме оно напоминало массонскую ложу со множеством клятв и ритуалов, со строгим разделением членского состава на степени и с требованием слепого подчинения.

Что общество в политическом отношении не было оформленным свидетельствует то, что его члены разно понимали его цели. Так для Пестеля оно имело целью уничтожение крепостного права и установление конституционного строя; для Якушкина — главная цель — освобождение крестьян и устранении иностранцев от власти в государстве; для Глинки же — моральное воздействие на правительство и общество в целях освобождения крестьян и проведения умеренных реформ. Не имея с самого начала единства цели Союз Спасения оказался неработоспособным и его пришлось в 1817 г. распустить, заменив временным тайным обществом, получившим название ВОЕННОЕ. Вместо распущенного Союза Спасения в 1818 году было основано тайное общество, получившее название СОЮЗ БЛАГОДЕНСТВИЯ. В основу этого союза был положен устав прусского патриотического союза ТУГЕНБУНД, переработанный, конечно, в соответствии с русскими условиями. Переработанный устав отличался от оригинала большим политическим радикализмом и большим социально-экономическим консерватизмом. Общества фактически являлось широкой внепартийной организацией, об'единявшей интеллигентные силы того времени в целях культурно-просветительной деятельности; оно занималось проповедью „малых дел“ и личной инициативы в пределах существующего строя. О конституции и республике думали лишь немногие его члены. Отсутствие политической платформы содействовало численному успеху общества, оно быстро разрослось и к осени 1819 г. членский состав Союза Благоденствия достигал 200 человек. Но политическая неоформленность, политическая разношерстность членского состава и численность тайного союза явились причиной его бездеятельности, повлекшей в дальнейшем к распаду.

Прежде всего устав Союза Благоденствия, известный под именем „зеленой книги“, далеко не всех удовлетворял и пользовался признанием далеко не всех филиалов союза. Пестель, например, с самого начала протестовал против умеренно-либерального курса Союза Спасения, считал „содержание Зеленой книги ни чем иным, как пустым отводом от настоящей цели на случай открытия общества и для показания вступающим“. На юге России, в Тульчине, где он командовал Вятским полком, он, вместе с полковником Бурцевым, основал новое ответвление союза, в порядок дня которого был поставлен вопрос о низвержении существующего политического и социального строя. С 1819 года Главному Совету Союза Благоденствия приходится все более и более считаться с „южными“ настроениями, тем более что правое крыло союза стало обнаруживать все признаки распада: распались московские комитеты союза, А. Н. Муравьев отказался от политической деятельности, князь С. П. Трубецкой уехал заграницу. Вследствии этого консервативное крыло Союза Благоденствия оказалось бессильным противостоять влиянию Пестеля, приехавшего в конце 1819 г. в Петербург. В результате активной пропаганды, Пестель добился в Петербурге признания большинством членов Союза желательности для России республики. Ободренный этим успехом, Пе-

стель поставил вопрос о методах скорейшей ликвидации самодержавия и о порядке введения „временного правления“. Однако в этих вопросах Пестель не достиг желательных результатов, но зато он получил согласие Главного Совета на расширение пределов агитации и пропаганды.

В то время как на юге общество процветало и работало с большим успехом, северное ответвление его приходило в упадок и перед ним встал вопрос о реорганизации. В первых числах января 1820 года в Москве открылся с'езд Союза Благоденствия. Однако этот с'езд не был тайным для правительства: его выдал бывший член Главного Совета М. К. Грибовский. Об этом знали и устроители с'езда. Поэтому руководители Союза решили произвести генеральную чистку и с этой тайной целью они добились постановления о закрытии Союза Благоденствия. Союз был распущен. Наиболее активные и политически зрелые члены распущенного союза немедленно приступили к более строгому подбору членов и к организации конспиративных ячеек.

Южная ветвь Союза Благоденствия, находившаяся в Тульчине, руководителями которой являлись Пестель и Юшневский, представляла собою политически сплоченное ядро, в чистке членов не нуждалось и потому отказалось признать постановление Московского с'езда о роспуске Союза Благоденствия. Точно также поступили и многие члены союза на севере, в Петербурге. Таким образом, роспуск Союза на деле оказался фиктивным, эта мера была направлена против нежелательных членов и как средство усыпления бдительности правительства.

Благодаря фиктивному роспуску, Союз Благоденствия из политически неоформленной организации превратился в организацию с вполне определенной политической и революционной программой и распадался на две ветви — южную и северную. Южане стояли за республику и за немедленное уничтожение современного политическо и социального строя, (револ. диктатура) и считали необходимым поголовное истребление членов династической фамилии. Северяне были более умеренными, они стояли за умеренную конституцию на цензовых началах. Северяне отличались нерешительностью и не вели никакой пропаганды среди солдат. Южане же, наоборот, отличались энергией, вели широкую пропаганду среди солдат и горели желанием немедленного осуществления своих идеалов. Южан представлял Пестель со своей „Русской Правдой“, а северян Никита Муравьев со своей конституцией.

Так как Пестель выдвинул идею „временного правления“, т. е. революционной диктатуры, то северяне, федералисты по своим взглядам, стали заподазривать Пестеля в желании захватить власть в личных интерсах и стали тайным образом противодействовать революционным и республиканским замыслам южан. Разногласие, подозрительность и боязнь Пестеля так далеко зашли, что северяне постарались устроить Трубецкого в 4-м корпусе в целях противодействия распространению в нем правил южного общества и в целях борьбы с влиянием Пестеля.

Южное общество энергично вело пропаганду и усиленно готовилось к перевороту, северяне же больше занимались разговорами и теоретизированием. Южное общество вступило в переговоры с польским жондным обществом по вопросу о независимости Польши и содействия русскому революционному восстанию, увеличило свои силы присоединением к себе другого тайного революционного общества „Соединенных Славян“, еще более революционно настроенного и более демократического по своему членскому составу. Этому южное общество было обязано энергичной деятельности Бестужева-Рюмина. Об'единение этих обществ произошло в 1825 году.

Успешное развитие общества на юге выдвинуло вопрос о сроке совершения революции и о формах ее. Было выдвинуто два плана. По одному плану революция должна была начаться в Петербурге после смерти Александра Первого. Если же общество будет достаточно сильным, то произвести революцию при жизни царя, не останавливаясь перед его убийством. Южные войска должны поддержать революцию в провинции. С этим планом соглашались северяне. Второй план, план южан, состоял в том, что революцию нужно начать в 1826-м году во время смотра царем войск 3-го корпуса. Программа восстания была такова: убийство Александра, арест главной квартиры корпуса, воззвание к войску и народу, быстрый марш на Киев и Москву. Но все эти планы — первый и второй, — не получили осуществления. Южное общество было раскрыто правительством благодаря предательству Шервуда и главным образом Майбороды. 13 декабря 1825 года Пестель был арестован. На севере не знали о происшедшем на юге. И когда весть о внезапной смерти в Таганроге Александра дошла до Петербурга, там начали готовиться к восстанию, решив использовать для этой цели междуцарствие. На престол должен был вступить старший брат Александра Константин, но он, благодаря неравному браку, потерял право на престол и царем должен быть следующий за ним брат Ни-

колай. Войска и сам Николай присягнули Константину, но Константин отказался от трона в пользу Николая. Обо всем этом мало кто знал. Войска в короткий промежуток времени должны были дать вторую присягу второму царю. Северяне решили воспользоваться этим обстоятельством и поднять войска против Николая за Константина. Они распустили среди солдат ложный слух об оставленном покойным царем завещании, якобы скрытом от них, в котором царь сокращал срок военной службы, которая в то время продолжалась 25 лет. Им удалось поднять некоторые полки, но среди самих революционеров не было ни согласованности, ни решительности и восстание 14 декабря 1825 года легко было подавлено самим Николаем: восставших расстреляли картечью.

На юге, несмотря на подготовку к революции, обстоятельства сложились так, что С. Н. Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин вынуждены были поднять восстание внезапно, без сговора с другими частями войск. Восстание было поднято 28-го декабря. К руководимому С. Муравьевым-Апостолом Черниговскому полку успело присоединиться лишь несколько рот и вся сила повстанцев состояла из 1000 солдат и 17 офицеров. При всем старании повстанцы не могли пробиться к сочувствовавшим им войскам и 3-го января 1826-го года они были разбиты под Белой Церковью. Так кончилась первая русская революция. Расправа с революционерами была жестока. Николай отомстил им за свой испуг. Пестеля, С. Муравьева-Апостола, Бестужева-Рюмина, Каховского и Рылеева, присудили к смертной казни четвертованием, которую Николай „по милосердию“ заменил повешением. Их казнили 13-го июля 1826 года в Петропавловской крепости. Остальных новый царь загнал в Сибирь на каторжные работы на разные сроки. С солдатами расправа была еще более ужасна и жестока — некоторые получили по 12,000 палочных ударов.

Между прочим, когда вешили Пестеля и других, то под Муравьевым, Бестужевым и Каховским оборвались веревки и Муравьев, говорят, успел сказать: „Боже мой, и повесить порядочно в России не умеют!“

Перейдем теперь к краткому рассмотрению идей, которые воодушевляли Пестеля и его южных товарищей.

Свои идеи Пестель изложил в „Русской Правде“, которая, к сожалению, дошла до нас не в полном виде.

На выработку взглядов Пестеля оказали влияния политико-философские учения энциклопедистов и политико-философские учения начала XIX века. Во взглядах Пестеля теория естественного права играет значительную роль и служит ему обоснованием политических прав и социальных принципов. Пестель отвергал федеративный принцип и стоял за сильную государственную централизацию. Сильно централизованная республика — вот государственный идеал Пестеля. Это первый якобинец на русской почве. Централизация, однако, не мешала Пестелю стоять за самые широкие политические и гражданские права и за полное уничтожение сословных привилегий и цеховых делений. Полное политическое равенство должно лежать по его мысли, в основе русской республики. Но, помимо идей политического либерализма, у Пестеля проявились и идеи социалистичские. Так в его понимании государство обязано не только предоставлять и обеспечивать политические и гражданские блага, но оно обязано также обеспечить каждого необходимым пропитанием, т. е. Пестель требовал от государства чтобы оно обеспечило каждому гражданину экономический минимум. Исходя из этого взгляда, Пестель считал, что каждый имеет право пользоваться земельными участками из государственного фонда. В решении земельного вопроса Пестель стоял, выражаясь современным языком, за экспроприацию крупных имений (свыше 5000 десятин), и передачу их в государственный фонд, т. е. он стоял за неполную национализацию земли. Частная собственность на землю допускалась им на том условии, что частный собственник должен поступиться своим правом, если оно нарушает естественные законы, по которым каждому предоставляется участие во владении землей. Устройство волостей у Пестеля напоминает фаланги Фурье.

Пестель был ревностным сторонником НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ личности: „личная свобода есть первое и важнейшее право каждого гражданина“.

В религиозном вопросе Пестель различал свободу совести и свободу религии. Свобода совести Пестель определяет так: „Внутренняя вера есть неограниченная собственность каждого человека, как существа разумного, не имеющего ни малейшей обязанности давать в том отчет кому бы то ни было, но вместе с тем и неимеющего права от других такого отчета требовать“. В отношении же церкви Пестель, однако, не держался принципов широкой свободы: он признавал Православие государственной религией, но в тоже время не ограничивал ничем другие религии, если только они не противоречили принципам нравственности и законам политическим и естественным. Конечно, свобода печати и слова в государстве Пестеля были самые широкие, но наряду с этим он не допускал никаких частных союзов. Частная собственность для Пестеля, конечно, является

священной и неприкосновенной, но если общественное благо требует, Пестель допускает экспроприацию, однако, за вознаграждение.

В национальном вопросе государство Пестеля было национальным и националистическим, стремившимся к обрусению всех народов и племен, которые раньше не пользовались самостоятельным бытием или которые не в состоянии защитить свою самостоятельность от соседних сильных государств.

Г. Максимов

Заметки о с'езде Всеобщ. Конфедерации Труда

Профсоюзное Единство

Как известно, ожидают в близком будущем политического об'единения социалистических и коммунистических партий. А именно, предполагают, что по всем вероятиям это об'единение произойдет в 1936 году, до выборов в законодательные учреждения. Тем временем уже состоялось полное соглашние между реформистской Всеобщей Конфедерацией Труда и склоняющейся к большевизму (О.В.К.Т.) Об'единенной Всеобщей Конфедерацией Труда. Эта последняя об'явила, что она готова снова войти в состав реформистской В.К.Т., приведя обратно „в старый дом" около 200.000 „отщепенцев", которых она еще влачит за собою.

Можно сказать, что со времени выборов в муниципальные учреждения и во Всеобщий Совет, имевших место в 1935 году, „материальные" препятствия к об'единению уже были устранены. Все должностные лица профсоюзов, назначенные также на должности в муниципальных учреждениях, и находившиеся под угрозой обвинен. в „совместительстве", были размещены на списках кандидатов коммунистической партии там, где было всего более шансов за то, что коммунистические кандидаты получат большинство голосов. Таким образом все эти лица снова окажутся на службе и найдут поле для приложения своей деятельности, достойное их и их партии. По приказу из Москвы этот крутой поворот совершился без всякой заминки.

Об'единенная Всеобщая Конфедерация Труда теперь восхваляет политику участия в Интернац. Бюро Труда и в Лиге Наций, за которую так упрекали некогда „изменника Жуо". Ведь эти организации, освящаемые присутствием в них г-на Валлак-Мейера, по словам Литвинова, сделались оплотами мира и свободы, которые они защищают против натиска фашизма.

Об'единенная Всеобщая Конфедерация Труда находит теперь только слова похвалы, говоря о деятельности членов конфедеративной бюрократии, этих пораженных „желтухой" „социал-фашистов", поведение которых часто было таковым, что оно заслуживает названия штрейкбрехерства. Разве в Тулоне и в Бресте, да и почти повсюду, Об'единенная Всеобщая Конфедерация Труда не проявила именно такого отношения к взбунтовавшимся пролетариям?

Об'единенная Всеобщая Конфедерация Труда приняла целиком, совершив, так сказать, плагиат, план Всеобщей Конфедерации Труда, план, который есть ничто иное, как бледная копия бельгийского „Плана Труда", как известно уже обанкротившегося. И Об'единенная Всеобщая Конфедерация Труда не только добровольно разбавила водицей этот план, сам по себе бывший лишь тенью тени, но она, устами Марселя Життона, даже об'явила себя готовой „устранить из него все то, что могло бы вызвать бесполезные споры между республиканцами в то время, когда надо беспокоиться главным образом лишь о нуждах данного момента". („Юманите" от 8-го октября).

Что же касается „декретов-законов", то теперь речь идет не о том, чтобы бороться против них принципиально, а лишь о том, чтобы, в согласии с г-ном Камиллом Шотан, требовать, „исправления известных несправедливостй и смягчения некоторых чрезмерных строгостей". (См. ту-же статью).

Как видите, французское профсоюзное единство далеко от того, чтобы проявляться в усилении революционной деятельности профсоюзов. Оно означает, наоборот, искоренение всяких революционных тенденций. Под видом осуществления „единства", в сущности говоря, рабочим стараются заткнуть глотку.

Тенденции внутри В. К. Т.

Поворот в политике коммунистов, получивший конкретное выражение в соглашении между Лавалем и Сталиным, оказался таким крутым, что обрисовывающееся политическое об'единение несомненно совершится, так сказать, на самой „мягкой" почве, на той позиции, которую занимают в настоящее время такие члены крайней правой фракции социалистической партии, как Фроссар и Рауль Эврар.

Что же касается профсоюзного единства, то надо сказать, что оффициальные представители большевизма, а заодно с ними

и следующая за ними масса, выступят, опять-таки, в качестве типичных сторонников реформистского течения. Впрочем, вмешательство этих элементов едва ли даже необходимо: в рядах В. К. Т. теперь уже и так нет революционно-настроенной оппозиции. Это видно из результатов голосования на с'езде В. К. Т. по вопросу о моральнем состоянии этой организации в текущем году. Доклад об этом предмете, выражавший реформистскую точку зрения, был одобрен 2.127 голосами против 132. В настоящее время в тех кругах В. К. Т., в которых в прошлом году еще как будто бы намечалось течение враждебное „священному союзу", царит страшная путаница в умах. Учредители реформистской В. К. Т., под влиянием их руководителя Дельма, перешли от „радикального пацифизма" к самому ярому якобинскому патриотизму — все это благодаря „Народному Фронту" и муниципальной политике.

На заседаниях с'езда В. К. Т. совсем даже и не говорилось о синдикальном действии, о классовой борьбе. Говорили исключительно о парламентской, министерской и бюджетной политике. Таким образом проявившиеся в В. К. Т. течения или, вернее, оттенки взглядов, представленные на с'езде, касались вопросов, не имеющих ничего общего с пролетарской борьбой.

Правое крыло В. К. Т. состоит из сторонников участия ее главарей в кабинете министров. К этим правым принадлежали люди типа Дельма, Лорана, Винья и Фруаделя. Их доктрина и тактика исчерпываются тем, что надо требовать для В. К. Т., как таковой, права располагать несколькими портфелями в будущем кабинете министров.

В центре мы имеем таких людей, как Жуо и Ленуар, обладающих многолетним опытом, сделавшим их осторожными, и уже располагающих теплыми местечками, с которыми не связана никакая серьезная работа. Эти благоразумные лица решительно противятся министерским поползновениям черезчур жадных профсоюзных „младотурок". Если для некоторых слишком честолюбивых лиц самое главное, это попасть в „Превосходительство", рассчитывая на то, что у них спины достаточно гибкие для того, чтобы они могли удержать за собой такое положение и снова раздобыть себе его при перемене кабинета, то такие акробатическ. упражнения не подходят уже другим более солидным по своей комплекции и по своим летам. У этих последних уже развился вкус к более устойчивому положению и к отдыху. Какая надобность делаться министром правительства Народного Фронта, которое вскоре все равно будет свергнуто и которое будут обливать грязью, когда гораздо проще быть членом Национального Экономического Совета, „практически несменяемым представителем французского пролетариата, уполномоченным обсуждать наивысшие интересы Франции вместе с государственными людьми и с представителями хозяев-капиталистов?"

Но вот и нечто еще лучшее! Этот Национальный Экономический Совет Пуанкарэ обещал легализировать, сделав его самым важным экономическим колесом государственной машины. Правительство Народного Фронта дожно будет дать этому Совету самые широкие полномочия. Ему придется поручить своего рода государственное заведывание экономической жизнью общества. Для пополнения состава этого Совета придется воспользоваться кадрами В. К. Т. У организованного таким образом из членов В. К. Т. генерального штаба были бы все шансы пережить крушение Народного Фронта и уцелеть даже в том случае, если бы власть захватили фашисты.

Такое положение дел, имеющее тенденцию сделать В. К. Т. неот'емлемой составной частью государства и обезопасить ее от всех превратностей борьбы политических партий, с чисто реформистской точки зрения является наиболее устойчивым и потому наиболее желательным.

Вдобавок, при таком положении дел реформисты могут рассчитывать на поддержку целой клики бывших анархо-синдикалистов, раскаявшихся в своих былых увлечениях. Эти лица сделались в настоящее время самыми преданными сторонниками Жуо, охраняющими то влияние, которое он оказывает на рабочие массы. Эти старые лисицы — и в особенности сам Жуо — сумели украсить свою „незаинтересованность" и свое „уважение к принципам", поскольку дело касается участия в кабинете министров, своего рода сентиментальным и революционным ореолом. И этот обманчивый ореол ослепляет даже „нераскаянных" сторонников взглядов Сореля, принадлежащих к „Синдикалистской Лиге"

„Вся власть синдикатам!"

Противоречия этой нелепой формулы, являющейся порождением парадоксальных взглядов товарища Роберта Лузона, до того омрачили разумение традиционного „левого" крыла, что оно совершенно утратило тот компас, который позволяет ориентироваться в теперешнем запутанном положении дел. Как можно бороться за „независимость синдикализма" от государства и в то же время стремиться к „завоеванию государства синдикализмом?" Как может быть синдикат „независимым от власти", если власть не „независима от синдиката?" О чем же, в конце концов, идет реч? О смертельной ли борьбе меж-

ду синдикатами и государством, или о сооружении перегородки между ними, или же об урегулировании сотрудничества между государством и В. К. Т.?

Что касается нас, то мы думаем, что **надо убить государство, т. е. учредить автономию как личности, так и всех естественных коллективов, начиная от мастерской и общины и кончая провинцией и целым материком.**

Монополия означает отсутствие борьбы, смерть. Формула „вся власть советам“, в конце концов, убила советы. Что же касается формулы „вся власть синдикатам“, то эту формулу нет даже надобности применять на деле. Одно теоретическое признание ее уже означает смерть синдикатов.

Скажите, пожалуйста, что означает предложение синдикалиста-революционера Лявенира, чтобы „В. К. Т. требовала для себя „всей власти“ у правительства Народного Фронта?“ Разве это не совершенно то же самое, что следующая формула, исходящая от Жуо: „Открытие рабочим массам доступа к занятию постов руководителей, к ответственным должностям заведующих делами . . . вот в чем цель рабочей организации. Если правительство, являющееся представителем Народного Фронта, обратится к В. К. Т. с предложением исполнить эту миссию, то мы ответим: „мы здесь“, и мы займем посты заведующих делами и возьмем на себя всю сопряженную с этим ответственность“. (Цитата заимствована из статьи Мориса Шамбеллан, напечатанной в „Революсьон Пролетариенне“ от 10-го октября, 1935 года).

Пусть завтра правительство, состоящее из уполномоченных Народного Фронта, распределит „все министерские портфели“ между бонзами с улицы Лафайет; пусть это правительство превратит секретарей рабочих федераций в своих „технических администраторов“, секретарей департаментских союзов в своих „префектов“, а секретарей местных союзов в своих „полицейских комиссаров“. Скажите, пожалуйста, гражданин Лявенир, какая власть, какая свобода, какое существование останутся тогда у синдикатов? Разве вы не понимаете, что, по словам самого же Жуо, „открытие рабочим массам доступа к занятию постов руководителей“ есть не что иное, как занятие им, т. е. самим Жуо, должности руководителя Национального Экономического Совета? Разве вам не ясно, что если такова „цель рабочей организации“, то, значит, смерть есть цель жизни, а рабство есть цель свободы?

Увы! Мало того, что гражданин Лявенир желает дать всю власть синдикатам, превращая с этой целью В. К. Т. в кабинет министров, на подмогу ему является еще гражданин Коммунист Марсель Життон. Этот последний, в цитированной выше статье, удостаивает и самые синдикаты повышением по службе, назначая их на должности . . . сборщиков налогов. Синдикаты, говорит он, не могут непосредственно вмешиваться в политические дела. Но их сотрудничество с движением Народного Фронта выразится в том, что они будут применять предложенный Об'единенной Всеобщей Конфедерацией Труда закон об обложении прогрессивным налогом всех состояний свыше 500.000 франков. „Они сумеют — так говорит гражданин Життон — использовать свое единство для того, чтобы заставить богачей уплатить этот налог, и при этом они не будут жалеть своих усилий, дружно добиваясь того, чтобы цель эта была достигнута“. Всего курьезнее то, что единодушное сотрудничество об'единенных реформистских синдикатов повидимому организуется именно на основе этой странной формулы. А это означает, что эти синдикаты совершенно теряют характер организаций, созданных для борьбы за действительные интересы рабочего класса, и вместо того увлекаются самой вульгарной предвыборной демагогией.

А. П.

(„Ля Конкет дю Пан“, Париж)

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ С МЕСТ

К ДЕСЯТИЛЕТИЮ „ДЕЛА ТРУДА“

Десять лет прошло уже с тех пор, как наш дорогой юбиляр появился в свет. С самого начала журнал занял правильную позицию в борьбе за освобождение трудового человечества от ига государства, власти, капитала и их защитника — церкви. На протяжении десяти лет журнал часто подвергался ожесточенным нападкам со стороны недругов и врагов, пускавших в ход клевету, дабы умалить достоинство нашего боевого органа. Но чудное дело! Журнал рос и креп: нечестные приемы борьбы, применявшиеся в борьбе с ним его врагом, служили ему как бы жизненным элексиром.

Низкие приемы борьбы с „Д. Т.“ применяли т. н. приспособленцы, т. е. люди, умеющие сочетать полезное с приятным. Эти людишки, воспользовавшись отсутствием интеллектуальных сил среди рабочих безвластников, прикинулись друзьями анархизма, проникли в центр, заняв места редакторов в анархической газете, внесли смуту и замешательство.

Стройные ряды рабочих, организованные идейными товарищами, уехавшими и высланными в Россию, дрогнули. Дело дошло до того, что в анархической газете, созданной на трудовые гроши рабочих, стали подвизаться генералы,

попы, черносотенцы и вообще разные мракобесы.

Приспособленцы всю эту свистопляску окрестили „свободой печати". Генералы звали бороться за „единую неделимую" с монархом во главе, попы звали помолиться за „неделимую" и ее главу, черносотенцы грозили дубинами противникам „неделимой", мракобесы „жгли", „топтали", „разрушали" все радикальное, антисемиты намекали на кишиневские „подвиги" и т. д.

Против этой клоаки запротестовали даже те рабочие, которые по своей наивности держали сторону приспособленцев, но напрасно; протестовавшим отвечали: чепуха все это, вы лучше напишите нам статью и опровергните то, что они пишут.

„Дело Труда" десять лет боролось с этим уродством, пока разоблачило значение приспособленческой „свободы печати". Но предательская работа приспособленцев оставила печальные следы: ряд честных, преданных делу анархизма рабочих идейно дегенерировали и превратились в обывателей.

Столпы царизма, Пуришкевич и Крушеван, не обидели бы приспособленцев. Немалую пользу принесли приспособленцы и большевикам: их работа дескредитировала местное анархическое движение перед трудовой колонией, чем не замедлили воспользоваться большевики, окрестив всех анархистов „анархо-белогвардейцами". Волос не упал бы с голов приспособленцев, если бы они очутились в Москве! Сталин, говорят, щедро одаряет за полезную для него „работу".

Врагов у „Дела Труда" немало. Самые огалтелые враги — социалисты-государственники, в лице коммунистов-большевиков. Эти господа, как известно, в России у власти. Перед захватом власти они сулили трудовому люду золотые горы, а дали муку и рабство. Лозунги октябрьской революции: „фабрики и заводы — рабочим", „земля — крестьянам", „кто не работает, тот не ест", свобода слова, печати, союзов, собраний, демонстраций, манифестаций, совести, передвижения, неприкосновенность личности и жилищ, долой смертную казнь и проч. — все это умерщвлено. Сегодня в России фабрики, рабочие, земля, крестьяне, все богатства, весь народ — достояние государства, т. е. нового класса — бюрократии. Там сегодня царит жуткая, мертвящая диктатура. Эта диктатура погубила не один миллион жизней тех, которые ожидали от большевиков счастья, которые беззаветно сражались на разных фронтах за октябрьские лозунги. В России сегодня государственный капитализм. И если частный капитализм зло, то капитализм государственный зло стократное, ибо коммунистическое государство забрало все в свои руки и торгует буквально всем.

„Дело Труда" неустанно разоблачает это государство перед мировым пролетариатом.

Что такое „Дело Труда"? „Д. Т." — орган анархической мысли. „Д. Т." проповедует анархический коммунизм, который ничего общего не имеет с большевистским государственным коммунизмом. За такой коммунизм стоит „Д. Т.", где каждый человек будет пользоваться равным правом на все производимые богатства. „Д. Т." борется за политическое, экономическое и социальное равенство всех людей.

Кем, для кого и на чьи средства издается журнал „Дело Труда"? Он издается рабочими, для рабочих и на средства рабочих. Генри Форд, Морган, Рокафелер денег не дадут на „Дело Труда", не пришлет ему субсидии и Москва. Издание журнала всецело зависит от скудного заработка рабочих, группирующих вокруг журнала. Эти рабочие, в силу безработицы, часто голодают, но свой революционно-боевой орган поддерживают.

Почему? Потому, что они осознали важную миссию „Д. Т." в рабочем движении. В наше смутное время, время распутья и бездорожья, время политического авантюризма, продажи чести и совести (П. Аршинов) журнал „Д. Т." — оплот и надежда эксплоатируемых и угнетенных. „Дело Труда" — маяк, освещающий истинный путь к свободе и справедливости.

Человек, рассматривающий жизнь сквозь призму выгоды, будет смеяться; в голове такого человека не уложится понятие: голодать и помогать деньгами чему то такому, что не дает выгоды, прибыли. Но . . . „рожденный ползать, летать не может". Мещанину недоступна святость чувств идейного человека! Правда, голодать и поддерживать занятым долларом — (это часто случается среди рабочих безвластников) — свой журнал неоспоримо есть большая жертва.

Но что значит эта жертва по сравнению с жертвами, которые приносили на алтарь освобождения Бакунин, Кропоткин, Мюзам, Ферер, чикагские мученики, Сакко и Ванцети, Том Муни, Лев Черный, Махно и другие? Что значит эта жертва по сравнению с жертвами наших единомышленников, гибнущих в застенках Сталина? Что значит поголодать немного, когда наши товарищи в борьбе со сталинскими опричниками умирают голодной смертью? Можно ли пожалеть доллар, когда люди не жалели княжеских и графских титулов, дворянских званий, почестей, богатства, славы и . . . своих жизней?

Передовые рабочие, эта соль рабочего класса, не жалеют ни сил, ни времени, ни средств, ибо они из опыта русской революции отлично знают, что рабочие могут добиться освобождения только сами.

Передовые рабочие приложат все усилия, чтобы наш дорогой юбиляр отпраздновал еще и двадцатилетний юбилей, но не в Америке, а в России, где на развалинах диктатуры пышно зацветет братство, равенство и свобода.

Да здравствует „Дело Труда"!

Да здравствуют передовые рабочие!

П. Гаврилюк.

Детройт, Мич.

Неотложный вопрос.
Ко всем Анархо-Коммунистическим Группам и отдельным товарищам.

Товарищи, вот уже прошло восемнадцать лет со дня Русской Революции. Восемнадцать лет тому назад анархисты, анархо-синдикалисты, большевики, левые эсеры и все остальные радикальные элементы страны начали борьбу против власти и капитала, борьбу за полную свободу, за равенство и братство, за вольный безгосударственный коммунизм — много их пало в этой геройской борьбе. А что мы имеем теперь в России? Мы имеем там железную диктатуру, рабство, нищету, голод и холод. Свобода топчется грязным большевистским сапогом, этот сапог затаптывает в грязь кристально-чистый анархическ. идеал, а самих анархистов уничтожает тюрьмами, ссылками и концентрационными лагерями, откуда их освобождает только могила, а мы, местные эмигранты, рабочие и крестьяне-анархисты, должны скитаться на чужбине. Невольно встает вопрос — как долго мы будем нести эту тяжесть?

Я думаю, что нельзя пройти мимо урока, данного русскими большевиками, а между тем я не вижу, чтобы анархисты учли этот урок в области массового организационного дела. Мы, анархисты, не имеем популярности среди трудового рабочего люда. А почему? спрашивается. Да просто потому, что мы не имеем общей платформы. Я знаю, мне ответят: читай и найдешь эту платформу. Но это не ответ. Такой ответ хорош для тех, кто имеет возможность читать, привык читать и знает как и что нужно читать, но это не ответ для широких рабочих масс. Такой ответ только отталкивает рабочие массы от анархизма, ибо рабочие в большинстве случаев не имеют ни времени, ни возможности для чтения, ни навыка к нему. Масса не может рыться в томах анархической литературы, чтобы уяснить на чем собственно базируется анархический идеал, она нуждается в кратком и ясном изложении. Платформа может заполнить этот пробел, без платформы анархизм будет влачить жалкое существование. В настоящее время чувствуется огромная потребность в такой платформе, без нее чрезвычайно замедляется наша пропаганда и наша организационная деятельность в массах. И я просто удивляюсь, почему до сих пор никто из передовых анархистов, т. е. из теоретиков, не займутся этим назревшим вопросом. Чем скорее мы разработаем общую для всех анархистов-коммунистов платформу, тем успешнее пойдет пропаганда наших идей и наша организация рабочих масс. Мы должны разработать такую платформу совместно с другими национальными анархическими движениями и работать на основе этой платформы в интернациональном масштабе, т. е. платформа должна об'единить все анархические силы. Нужно помнить, что назревают грозные события и мы должны быть готовы к ним. Мы должны учесть ошибки прошлых революций и особенно Русской Революции. Мы должны выделить наиболее важные вопросы и решить их исходя из опыта России. Мы должны иметь ясное представление о том, как революции совершаются, каков второй день революции и, главное, знать, как защитить революцию от нападения контр-революции. Точные и ясные ответы, в короткой и сжатой форме, на эти и другие столь же важные вопросы необходимы для широких рабочих масс и чем скорее мы дадим такие ответы в виде платформы, тем скорее восторжествует анархический коммунизм.

Что вы думаете об этом, товарищи?

Монтреаль, Канада. *Гр. Резанович.*

Позади стремлений.

Высылая 10.00 в пользу „Дела Труда", хочу отметить, что сумма имелась быть высланной в пользу „Д. Т." на юбилейный номер, но по некоторым причинам нам пришлось выслать ее с опозданием: лучше поздно, чем никогда. Если бы все мы могли высылать постольку, хотя бы и с опозданием, но гораздо чаще, то наш журнал выходил бы не раз в 2-3 месяца, а один-два раза в месяц.

Одновременно с этим я выражаю от имени Союза Русских Рабочих гор. Лос Анжелеса величайшее сожаление, что нам приходится стоять позади наших общих стремлений. Я думаю, что товарищам понятно, что это случилось не без причины. Наше опоздание об'ясняется тем фактом, что в течении последних трех лет нашей группе пришлось вести упорную борьбу с нашими супостатами-рассветовцами, которые всеми средствами пытались разбить наш Союз, но это им не удалось, наоборот, в борьбе против нас они сами разложились и распались. Большевики, самые яростные враги анархического движения, но и они не принесли нам столько вреда, сколько рассветовцы. Сказать правду, нам здесь в борьбе со своими местными супостатами пришлось переживать такие же самые трудности, какие пришлось пережить всей нашей Федерации в борьбе с рассветовской прессой.

Вот почему нам приходится стоять позади наших стремлений.

За Союз Русских Рабочих

Лос-Анжелес, Кал. *Гриша Гришлов.*

Уважаемые товарищи!

Будучи долгое время без работы, я вынужден был уехать в „кемпы" штата Мериленда, где „разжился" несколькими долларами, что дает мне возможность послать на юбилейный номер „Дело Труда" 5-ть долл. и вместе с этим я шлю сердечный привет как редактору, так и всем товарищам, которые принимают участие в издании журнала „Д. Т.". Желаю нашему юбиляру превратиться из ежемесячника в еженедельник. Я обращаюсь ко всем товарищам, которые желают и стремятся идти правильным путем, поддерживать журнал материально, поскольку есть возможность, дорогой для нас орган „Дело Труда".

С товарищеским приветом

Абердин, Мд. *И. Скиталец.*

15 октября 1935 г.

ОТЧЕТЫ

ФИЛАДЕЛЬФИЯ, Па.

Уважаемые тов., посылаем денежный перевод на сумму 25.00, которая составилась следующим образом:

В пользу юбилейного номера „Д. Т." по подписному листу—7.75, членские взносы—12.25 и за проданные номера „Д. Т."—5.00. Итого—25.00.

ЛОС АНЖЕЛЕС, Кал.

ОТЧЕТ СОЮЗА РУССКИХ РАБОЧИХ ПО ВЕЧЕРИНКЕ

От вечеринки, состоявшейся 28-го сентября в помещении 216 Матью Стр., осталось чистого дохода 8.75.

За союз

Гриша Гришлов

ОТЧЕТ
о суммах, полученных через Альберта де Ионга (Гаарлем, Голландия) для Русского Фонда при Международном Товариществе Рабочих, с 1-го Октября 1933 г. по 31 декабря 1934 г.

ПРИХОД:

1933 год. Поступило в голландских флоринах: 16 окт. от Верника, Роттердам,—10.00, 20 окт. от „Воркерс Френд“, Лондон, через Б. Блум—8,10, 1 дек. В. Ван Цвилен, Голландия—2.00, от Ю. Д. Стевенс, Голландия—1.25, „Кромер“, Голл.—1.10, 5 дек. через Руссо от Голландской синдикалистской организации—10.00.

1934 год. В январе получено от А. Верника—2.00, от Биржи Труда, Вормервир—3.25, от Л. Оссара, Франция—2.41, в Марте от Х. Ролланд Холст, Голландия—10.00, от „А. И. А.“ Леенварден, Голл.—5.00, от Эммы Гольдман (25 дол.)—36.50, Г. Тединг Ван Беркхут—0.50, 7 апр. от Беллвер, Алжир—1.00, 30 мая от Э. Гольдман (400 д.) —584.00, сентябрь—от Э. Гольдман—20.00, от конференции А. де Ионга—0.45, от А. Верника—5.00 и 2.50, в октябре от Ж. Ван Линдена—1.00 и от Шведского Рабочего Секретариата (Шведск. Синдикал. Организ.)—50.00. ВСЕГО поступило в флоринах—756.56.

РАСХОД:

Почта, банковский размен и пр.—5.91, переслано в Русский Фонд Помощи—752.34. Следует А. де Ионгу—1.69.

Казначей Русского Фонда Помощи М.Т.Р.

Альберт де Ионг.

ОТЧЕТ
„Фонда Помощи М. Т. Р. заключенным и ссыльным анархистам и Анархо-Синдикалистам России“ с 1-го октября 1933 года по 31-е декабря 1934 года

ПРИХОД:

1933 год. В кассе Фонда на 1-е окт. 1933 года оставалось 183 французских франка и 20 сантимов, 51 голл. флорин и 66 с. Поступило за фотографические карточки Рогдаева (в франках) через Бера—35.00, от газеты „Синдикалистская Борьба“—62.00, от Бера—10.00, Перриссагет, Лимож,—75.00, „С. Ю. Б.“ Лион—50.00, „С. Ю. Б.“, Париж—25.00, „Автономные металлисты“, Париж—20.00, Генри Шазаль, Клермон-Ферран—10.00, Ж. Мохалин, Ст.-Этьен—20.00, Ж. Мезо, Ренн—20.00, Е. С. (13 пезет)—27.00, от Бера—20.00, Ж.—10.00, Дав для З.—26.40, Сем для В.—26.40, Эдмонд Недо, Трелязе—100.00, Ж.—33.00, М. Л. Бер—17.00, Группа „Интерн.“, Ст.-Дени—25.00. Поступило от Ганиве, Париж—5.00, от Дав., Париж—50.00, подписка через Дав—35.00, через Алекс.—10.00, через Бера—20.00, через Сашу П.—40.00, от Итальянского Комитета П. В. П. для Бук—200.00, от „С. Ю. Б.“, Тулуза—55.00.

1934 год. От Мол.—10.00, от Жака—20.00, от ОС. и Ани—20.00, от клуба „Автодидакт“—1.096.85, от Алекс. —110.00, за карточки Рогдаева от Группы „Интерн.“, Париж—25.00, от продажи карточек Рогдаева на предприятии 28-го января 1934 г.—25.00, от Кружка Свободнической Культуры, Филадельфия, через М. Зукка и А. Б. —400.00, через М. Мрачного, из С. А. С. Ш. (50 долл.) —770.00, от Русского Политического Красного Креста, Париж—300.00, от предприятия 28-го янв. 1934 года—988.15, от Марг. Ферон—10.00, от Розена, Стокгольм—44.15, от Луиджи Бертони, Женева, за карточки Рогдаева —100.00, от клуба „Автодидакт“, Париж—45.00, отосланные деньги вернулись обратно через БУК—195,25, через Б. Еленского, Чикаго (100 долл.)—1.505.50, один аннулированный чек—66.00, через Б. Еленского, Чикаго (100 долл.)—1.490.50, от Хем Дея за карточки Рогдаева—50.00, от Шведского Синдикалистского УНГДОМФОРБАНД, Стокгольм—200.00, Аннулированный чек—100.00, оплаченные чеки—131.50, от Ж. Бера—150.00, от Итальянского Комитета П. В. П. для Бук.—200.00, Итальянские товарищи Марселя через М. Т. Р.—250.00, через Б. Еленского, Чикаго—1.888.00, внесено Альбертом де Ионгом (смотри его отчет)—752 голл. флорина и 34 с.

ВСЕГО—11.504 французских франк. 90 см. и 804 голл. флорина. Голландские флорины при размене на французск. франки дали—8.251.55. Весь приход во франках равен —19.756.45.

РАСХОД:

Выслано в Россию—15.590.25, расходы по посылке и почтовые—961.85.

Выдано П. Ф.—100.00, Ф. Ст.—100.00, карточки Рогдаева—721.00, канцелярские расходы и разные—70.00.

Всего израсходовано—17.543.10. Осталось в кассе на 1-е января 1935 года—2.213.35.

Данный отчет проверил и нашел правильным

За Международное Товарищество Рабочих

А. Шапиро.

Париж, 21-го мая 1935 года.

ОТЧЕТ
Чикагской секции Фонда Помощи Международного Товарищества Рабочих Заключенным и Ссыльным Анархистам и Анархо-Синдикалистам с 1-го июля 1934 года по 1-е октября 1935 года

ПРИХОД:

На 1-е июля 1934 года в кассе оставалось—141.54. За отчетный период в кассу фонда поступило: от группы Могиген, Н. И.—10.00, от Ф. М., Эмбридж, Па.—2.00. от Юнгстаунской группы „Д. Т.“—7.50, от отделов „Арбайтер Ринг“: Нуварк, № 168—2.50, Фила, № 273—2.50, Питсбург, № 932—2.66, Толидо № 155—2.66, Джерсей Сити, № 59—2.66, Холиок, № 908—2.66, Фол Ривер, № 667—2.68, Лондон, Онт., № 284—316, Вудридж, № 281—2.66, Бруклин, № 38—2.50, Бруклин, № 55—2.66, Кливеланд, № 79Б—1.00, Виннипег, Канада, № 169 2.75, Рочестер, № 27—2.50, Линкольн, № 348—2.66, Чикаго, № 65—2.66, Цинцинати, № 814—2.50, Лорейн, № 652—2.66, Провиденс, № 812—1.00, Вашингтон, № 92 —2.66, Сан-Франциско, № 114—2.50, Петерсон, № 121—2.66, Ст.-Луис, № 470—2.66, Нью Иорк, № 203—2.66, Нью Иорк, № 278—0.50, Медисон, Вис., № 479—2.66, Ривер, № 947—2.50, Питтсбург, № 104—1.00, Бермингам, № 303—2.50, Торонто, Онт., № 828—2.66, Нью Иорк, № 214—2.66, Нью Рашель, № 116Б—1.00, Денвер, № 957—2.65, Элленвиль, № 449—2.66, Сиатл, № 304Б —2.65, Кемден, № 362—1.00, Лос Анжелес, № 413—3.16, Кливеланд, № 79—2.66, Нью Иорк, № 389—2.66, Спринг Валей, № 636—2.66, Нью Гевен, № 232—2.50, Нью Иорк, № 52—1.00, Нью Орлеан, № 94—2.50, Бруклин, № 139 —2.50, Нью Иорк, № 200—1.00, Бруклин, № 216—2.66, Тонтон, № 714—2.66, Саут Чикаго, № 525—2.66, Ст.-Луис, № 60—2.50, Лос Анжелес, № 933—2.66, Бруклин, № 315Б—2.50, Н. Эдамс, № 732—2.66, Елизавет, № 47—2.66, Петалума, № 695—2.66, Нью Иорк, № 301—2.66,

Бронкс, № 309—2.65, Пассейк, № 276—1.00, Провиденс, № 110—2.66, Мемфис, № 312—2.50, Вако, № 242—1.00, Боффоло, № 29—2.50, Сиатл, № 304—2.66, Детроит, № 181—2.66, Бронкс, № 364—2.66, Акрон, № 587—2.00, Нуварк, № 107—2.50, Вильмингтон, № 69—2.50, Питтсбург, № 45—2.66, Сиу Сити, № 664—2.50, Саут Норвок, № 489—2.50, Гренд Репид, № 457—2.50, Лос Анжелес, № 473—1.10, Саут Бенд, № 157—2.66, Перт Эмбей, № 968—2.66, Чикаго, № 541—2.50, Бруклин, № 325—2.66, Олбани, № 320—2.50, Бруклин, № 389Б—2.50, Вайнленд, № 903—2.66, Галвестон, № 307—2.50, Новуд, № 935—2.50, Нью Бронсвик, № 208—2.50, Ванкувер, Канада, № 609—2.66, Чикаго, № 306—2.70, Окленд, № 287—1.00, Фила, № 124—1.00, Нью Иорк, № 2—2.00, Чикаго, № 65Б—2.66, Монтреаль, Канада, № 151—2.66, Боффоло, № 29—4.10, Детроит, № 181—2.00, Кливеланд, Группа „Дела Труда“—7.50, Ст.-Луис, Русское Независимое Общество—12.00, Ст.-Луис, Группа „Д. Т.“—3.00, Чикаго, от Групп Русской А. К. Федерации, через Федерат. Секретаря — 48.20, Петалума, Маня Семенова — 2.00, Кензас Сити, Сем Горелик—10.00. Детроит, Зубрин—3.25, Кливеланд, Моисеева для А. А. Андреева (через Максимова)—5.00, Чикаго, от Русской А. К. Федерации „Д. Т.“, через Федер. секретаря—7.50, от Федерации еврейских союзов Чикаго—2.66, Чикаго, Пакутин—1.00, Чикаго, Типографский Союз, Отдел № 903—2.50, Стелтон, Е. Загер 2.25, Бруклин, Л. Фишман—1.00, Бронкс, С. Пеппер—1.00, Лос Анжелес, Б. Юхт—1.50, Кливеланд, Вейлин—2.00, Эндовер, Масс., Штрумрфман—1.00, Нью Иорк, Джойн Борд Интернейшонал Ледис Гармент Воркерс Юнион—25.00, Чикаго, Кринкер Ферайн—3.00, Могиген Групп—12.25, Чикаго, Группа „Фри Сосаэти“—30.71, Нью Иорк, Кафе Леон,—2.00, Нью Иорк, Парквей ресторан—2.00, Нью Иорк, М. Вайнблат—1.00, Сиатл, Гудман—0.53, Нью Брайтен, Дора Раттнер—1.00, Кензас Сити, Заглин—1.00, Нью Иорк, Д. Капман—1.00, Чикаго, Е. Раппопорт—3.00, Нью Иорк, Роза Песота—3.00, Чикаго, Друг—1.00, Сонраз Колония, М. Лифшиц—1.00, Детроит, Морис Гудман—1.25, Лондон, Онт., М. Горнштейн—2.00, Лос Анжелес, Клара Красновская—3.30, Лос Анжелес, Беки Юзин—5.00, Фила, Шадекель—3.50, Лос Анжелес, Б. Сураский—1.50.

В пользу Испанских заключенных поступило: Чикаго, от Гендмана—6.60, от Чикагского Об'единенного Комитета Интернейшонал Ледис Гармент Воркерс Юнион—10.00, Чикаго, „Арбайтер Ринг“ отдел № 252—3.00, Детроит, от еврейской анархической конференции среднезападных штатов—10.00, Чикаго, от Д-ра Баума—0.50. Чикаго, от Герри Когена—1.00, Чикаго, от „Фри Сосаэти“ группы—35.00, Алиша, Мич., от группы Сон Раз Колонии—23.75, Чикаго, от Веры Левайн—5.25, Чикаго, от Ммалгамейтед Джойнт Борд—10.00.

ОБЩИЙ ПРИХОД РАВЕН—713.54.

РАСХОД:

Выслано для русских анархистов заключенных и ссыльных, через Париж—430.95, выслано испанским заключенным анархистам—105.00, типографские и почтовые расходы—132.50, посылка газет и книг заключенным—16.15, экспресс—15.97.

На 1-е октября 1935 г. в кассе Чикагской Секции Фонда Помощи Международного Товарищества Рабочих остается—12.97.

Б. Еленский.

Данный отчет проверили и нашли правильным

Г. Максимов, С. Миллер, М. Олей.

ДЕТРОИТ, Мич.

Уважаемые товарищи, по инициативе т. Сони, наша группа отпраздновала десятилетие „Дела Труда“ вечеринкой. Эта вечеринка принесла 17.00 чистой прибыли, которые и высылаем вам чеком.

Следует отметить, что тов. Соня больше всех заботилась и работала для успеха вечера. Эта рабочая пчелка заслуживает глубокой товарищеской признательности. Побольше бы таких товарищей-женщин.

Высылаем денежный перевод на 15.60. Эта сумма составилась следующим образом: за проданные журналы—5.00, по подписному листу № 6 собрано—10.60. Всего—15.60. 15.60. Подписной лист выслали в Нью Иорк.

С товарищеским приветом

Ф. Коваленко.

ВИЛЛАНД, Онт., Канада

Уважаемые товарищи Делотрудовцы, посылаю вам почтовый перевод на 2.50: по подписному листу № 14 собрал на юбилейный номер—2.10 и за № 88 „Дела Труда“—0.40. Всего 2.50. По подписному листу жертвовали: Филлипов, Майк Собойко, И. Осадек и М. Гронский по 0.50, К. Дроздовский—0.10. Всего собрано—2.10.

С тов. приветом

С. Филиппов.

АКРОН, О.

Посылаем денежный перевод на 8.25. От продажи журнала 4.00 по подписному листу, который отослан Нью Иоркской группе, собрано на юбилейный номер—4.25.

Всего—8.25.

С тов. приветом

Дубатовка

БОСТОН, Масс.

Уважаемые товарищи, посылаем вам денежный перевод на 10.75, собранные по подписному листу в пользу политических заключенных и ссыльных анархистов в СССР; собранные нами деньги просим направить по назначению.

По подписному листу № 8, выпущенному Комитетом при профсоюзе гор. Детроита помощи политическим заключенным и ссыльным в Советских тюрьмах, жертвовали следующие лица:

С. Давидюк, Л. Москалюк по 2.00; Я. Паленко, Г. Коваль и С. Розуменко по 1.00; С. Галай, М. Сороков и П. Семенюк по 0.50; Р. Омельян, С. Сорока, Н. Росолко, А. Костюк, С. Стотик, А. Бойко, Я. Мокомела, Д. Гичун и О. Коваль по 0.25. Всего—10.75.

С товарищеским приветом

За секретаря группы

Л. М—к.

СТ.-ЛУИС, Мо.

По подписному листу № 9 в пользу юбилейного выпуска „Д. Т.“ собрано 10.15. Жертвовали следующие товарищи: М. Хведченя, Н. Антонович, М. Ковалевич, В. Шурхай по 1.00, С. Тюшкавец, М. Радивончик, Н. Климович, Кулев, Антон Чепурка, Иван Антонович, И. Тутин, Д. Сергеевич, Е. Горох, В. Колодич, Сарра Ротштейн по 0.50, Андрей Небесник и Зиг. (фамилия неразборчива)—по 0.25, Мария Соловей—0.15. Всего—10.15.

БЕТЛЕГЕМ, Па.

Уважаемые товарищи, посылаем вам 5.00, которые сложились из следующих сумм: за журн. „Д. Т." №№ 86, 87 и 88—3.00 и пожертвовано на юбилейный номер (Ив. Малый и Сер. Феденко по 1.00)—2.00. Всего—5.00.

С товарищеским приветом

Группа гор. Бетлегема.

Юнгстаун, Огайо

Прилагая при сем денежный перевод на сумму 16.05, подписной лист № 13 и отчет групп Юнгстаунской, Итальянской и Испанской.

В фонд юбилейного номера „Дело Труда"—7.95, за проданные жур. „Д. Т."—2.00, в фонд „Д. Т.", от тов. Шумки—1.00, в фонд „Д. Т."—приход который получился от пикника состоявшегося 2-го сентября—5.10. Итого: 16.05.

Собрано по подписному листу № 13

Прокоп Шумко—2.00, С. М.—1.00, П. Зеленский—0.50, Н. Т.—0.10, Я. Кончик—0.10, Ю. Островский—0.25, Безпятый—0.50, А. Чижов—0.25, М.—0.25, С. К.—1.00. Итого: 7.95.

ОТЧЕТ ГРУПП ИТАЛЬЯНСКОЙ, ИСПАНСКОЙ И РУССКОЙ

4-го августа с. г. Юнгстонская группа, устраивала пикник совместно с упонянутыми выше группами. Чистой прибыли получилось от пикника 28 долларов. Вся означенная сумма, по согласию упомянутых групп, послана в интернациональный комитет в Париж, в пользу политических заключенных.

2-ой пикник состоялся 2-го сентября. Устраивали те же группы. Чистой прибыли получилось 30.60. Означенная сумма распределена следующим порядком: в фонд „Д. Т."—5.10, в фонд итальянской газеты „Ладуната"—5.10, в фонд журн. „Ман!"—5.10, на защиту Т. Муни—5.10, на защиту итальянских товарищей, присужденных к депортации—5.10, в фонд испанской газеты—5.10. Итого: 30.60.

С приветствием

Группа Рабочих Юнгстауна.

ОТЧЕТ

Редакционной Коллегии по изданию журнала „Дела Труда" № 87.

ПРИХОД:

За проданные журналы поступило: от группы Нью-Гевен, Конн.—3.50, тов. Г—ва, Вотебуры, Конн.—0.50, группы Шенандоу—1.00, Прогрессивного Землячества, Филадельфия—5.00, К. Талана, Канада—4.60, группы Детроита—5.00, Союза Российск. Тружен., Канада—2.00, группы Нью-Иорка—1.00, И. Волкова, Чикаго—2.10. ИТОГО: 26.70.

В ФОНД „ДЕЛО ТРУДА": от группы Нью-Гевен—7.50, С. Феденко, Бетлегем—2.00, О. Ульчика—1.00, Коваленка, Детроит—1.00, Зубрина, Детроит—1.00, группы „Д. Т." Мейвуд, Кал.—1.50, Ф. М. Эмбридж—1.00, Прогр. Землячь, Филадел.—12.25, от об'един. пикника—3.40, группы Нью-Иорка—2.00. ИТОГО: 32.65.

НА ЮБИЛЕЙНЫЙ НОМЕР: от П. Кунавича—2.00, группы Мейвуда—1.50, группы Бостон—5.00, Ф. М. Эмбридж—2.00, Н. Феденко, Бетлегем—2.00, группы Шенандоу—1.00, Прогр. Земл., Филадел.—7.75, группы Детроита—10.60, Союза Рус. Труж., Монтреаль—2.40, из Франции—1.00, группы Нью-Иорка—12.00. ИТОГО: 47.25.

ЗА ЛИТЕРАТУРУ: от тов. Арсенюка—0.75, группы Бетлегем—2.00, группы Шенандоу—1.10, группы Детроита—0.40, Союз Рус. Труж., Канада—3.00, Уолкова, Чикаго—0.50, ИТОГО: 7.75. В фонд полит. заключен. от Ф. М., Эмбридж—1.00.

ОБЩИЙ ПРИХОД: 115.35.

РАСХОД:

Типография—88.00, экспедиция—10.20, в комитет пол. заключ.—1.00, переводы статей—9.15, за литературу типографии—7.25, мелкие расходы—3.90. ВСЕГО: 119.50.

ОБЩИЙ РАСХОД........119.50
Дефицит от прошлого номера...... 43.43
ВСЕГО РАСХОДА........162.93
ОБЩИЙ ПРИХОД........115.35

ДЕФЕЦИТ 47.58

Товарищи, обратите внимание на рост дефицита и примите меры к прекращению его.

ОТЧЕТ

Редакционной Коллегии по изданию юбилейного номера „Дела Труда"

ПРИХОД:

ЗА ПРОДАННЫЕ ЖУРНАЛЫ ПОСТУПИЛО: от группы Балтимор—8.50, группы Кливеланд—3.00, группы Юнгстаун—3.10, Алешкевич, Бриджпорт—1.50, Радио, Калифорния (подписка)—1.00, Волков, Чикаго—1.00, группы Ст.-Луиса—1.75, М. Буков, Акрон (подписка)—1.50, С. Феденко, Бетлегем—3.00, Ф. М., Эмбридж—0.60, группы Детроита—5.00, группы Акрона—4.00, Филиппов, Канада—0.40, Прогрес. Землячество, Филадельфия—5.00. ВСЕГО: 41.35.

В ФОНД „ДЕЛА ТРУДА" поступило: от группы Кливеланда—5.00, группы Юнгстаун—14.00, от тов. Шумко, Юнгстаун—1.00, Союз Русских Рабочих, Лос-Анжелес—10.00, С. Феденко, Бетлегем—2.00, от группы Детроита—17.00, Скиталец—5.00, Ф. М., Эмбридж—1.00, Прогрессивн. Клуб, Чикаго—20-12, Прогр. Землячество, Филадельфия—10.00. ВСЕГО: 85.12.

ЗАКЛЮЧЕННЫМ АНАРХИСТАМ В СССР поступило: от группы гор. Бостон—10.75, Союз Русских Рабочих, Лос-Анжелес—5.00, Ф. М., Эмбридж—0.40. ВСЕГО: 16.15.

НА ИЗДАНИЕ ЮБИЛЕЙНОГО НОМЕРА ПОСТУПИЛО: от группы Балтимор—4.50, от группы Нью Иорка—11.00, от группы Юнгстаун—7.95, подписной лист № 4-й, Чикаго—10.00, от группы Ст.-Луиса—10.15, от группы Акрона—4.25, Филиппов, Канада—2.10, от Комитета по изданию Юбилейного номера „Дело Труда"—15.06.

ВСЕГО: 65.01. Общий приход: 207.63.

РАСХОД:

Экспедиция—14.90, типографию за печатание Юбилейного номера—176.00, Комитету Заключенных—16.15, за переводы статей—8.45, расход федеративного секретаря 3.40, разные расходы—0.55. ВСЕГО: 219.45.

Дефицит от прошлого номера—47.58.

ОБЩИЙ РАСХОД........267.03
ОБЩИЙ ПРИХОД........207.63
ДЕФЕЦИТ............... 59.40

ОТ РЕДАКЦИИ.

За недостатком места не вошли статьи: *Хр. Корнелиссена, М. Нетлау, А. Зухи, К. Филиповича, Битрис* и некоторые другие — они будут напечатаны в следующем номере нашего журнала.